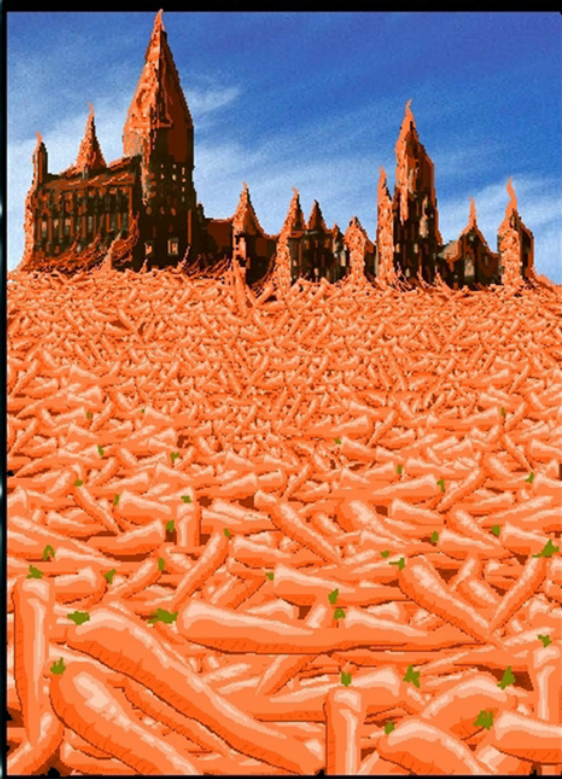


Александр ШОРИН
ЛИТЕРАТУРА
ONLINE



@ЭЛИТА



18+

Александр Шорин

Литература ONLINE (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7385306

Шорин А. Литература online. Сборник рассказов: ЭИ «@элита»;

Екатеринбург; 2013

Аннотация

В сборник талантливого уральского журналиста и писателя Александра Шорина вошло более шести десятков рассказов, миниатюр и эссе — реалистичных и фантазмагоричных, правдивых и сказочных, лиричных и жёстких.

Разбитые на пять частей («Любовь и не-любовь», «Новые сказки о старом», «Доброе утро, страна!», «У каждого в голове свой таракан» и «Свобода выбора»), они открывают новый мир современной реалистичной прозы – загадочный и странный.

Содержание

1. Любовь и не-любовь	4
Автостоп	4
Тварь ли я?	23
Как я упустил свою любовь	28
Заколоть свинью	29
На скотобойне	30
Любовь как отсутствие любви	33
Абстрактные категории	34
Про китайскую вазу	37
Любовь первого дозвонившегося до кладбища	39
Про грязных женщин	48
Небо Аустерлица	53
Изнанка красивой женщины	57
Пятый тост	66
Жвачный человечек	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Шорин

Литература online (сборник)

1. Любовь и не-любовь

Автостоп

Перевалило за полдень, когда «КамАЗ» высадил меня на своротке у Похвистнево. В этом самом Похвистнево у меня был адрес, где я мог переночевать, но, рассудив, что день ещё весь впереди, я решил ехать дальше – хотя бы до Тольятти. Лучше даже не в сам город – последнее время я предпочитал городам какой-нибудь лесок, где можно развести костёр и поставить палатку.

Поэтому я зашел за поворот и, бросив рюкзак у обочины, стал ждать попутку. Простоял, голосуя, больше двух часов совершенно безрезультатно. Автостоп, честно говоря, мне уже порядком надоел. А ведь есть люди, для которых такой способ передвижения – целая философия: мир посмотреть, с людьми пообщаться... Я же за эти четыре дня уже порядком вымотался – одинокого парня не всякий водитель решится взять, так что стоять приходится намного больше, чем ехать. Опять же не мылся черт знает сколько, ещё и голодный!

Обуреваемый невесёлыми мыслями, я вспомнил, что совсем близко от поворота мы проезжали небольшое озерцо – пожалуй, там можно искупаться. А захочется – так и постирать, и костерок запалить. Сделать себе «быстрой» лапши, благо её осталось ещё четыре пачки...

Озерцо оказалось так себе – песчаный котлован, уже порядком заросший тиной и камышами. Зато берег с одной стороны неожиданно ровный. Я скинул рюкзак и пропотевшую одежду, взял кусок мыла и с наслаждением окунулся в прогретую солнцем воду. Вымыл голову и постирал – по минимуму – трусы и носки. Чистые плавки одевать пока не стал – зачем мочить лишний раз? Развесил «постирушки» на куст и махнул гольшом на соседний берег, закрытый камышами, – осмотреться на предмет потенциального ночлега – вдруг захочется остаться здесь до завтра? А может и придется!

Настроение слегка поднялось, тем более, что наобщался я за эти дни досыта: водилам всем вынь да положь – расскажи про жизнь, да куда едешь... Сначала говорил правду, потом зачем-то стал придумывать – одному одно расскажу, другому – другое, так запутался, что сам уже не рад. Последний, задав пару дежурных вопросов, включил на полную «Авто-радио», так я даже вздремнул немного на радостях...

– Ой, голый чувак!

Я как брёл по щиколотку в прибрежной грязи, так и сел туда от неожиданности, измазавшись по самый подбородок.

Только сейчас я заметил, что камыши скрывали от меня очень милую полянку, посреди которой стояла девушка с этюдником, держа в руке кисточку. Меня пробрал истерический смех.

– Надеюсь, ты не рисуешь голых, купающихся в грязи у берега?

Девушка посмотрела на меня строго, но потом, не выдержав, рассмеялась:

– Пожалуй, получилось бы оригинально. Но для этого тебе придется сидеть здесь долго.

Посмотрев на себя, я по-рачьи ретировался на глубину и, засев в мутной воде по пояс, рассмотрел наконец незнакомку. Вид она имела достаточно необычный – ну, до меня далеко, конечно, но все же: обтягивающая яркая футболка едва доходила до середины живота – мода этого лета, она мало кому шла (не так уж много красивых животиков!), но на ней сидела отлично, правда, я почему-то вспомнил маленьких безгрудых девчонок в таких майках... Впрочем, она по годам их не намного перескакала: сколько ей – восемнадцать, девятнадцать? Вслед за плоским животом шли джинсы невероятного голубого цвета, настолько расклешённые, что каждая штанина могла бы служить мини-юбкой. Из-под этих «юбок» выглядывали драные кеды. Лицо круглое, но не «деревенское», скорее азиатское – глаза слегка сужены. Крупный лоб до самых ресниц прикрыт темной прядкой. Тип Земфиры – певицы, песнями которой девочки её возраста должны за-

слушиваться.

– Ты похожа...

– Только не говори, что на Земфиру. Я её терпеть не могу!

– Потому что на неё похожа?

– Вовсе нет. Просто не нравится. А ты так и будешь в воде сидеть? Выходи – я к нудистам привыкла. – Взглянула немного насмешливо.

– Давай я лучше за вещами сплаваю – и к тебе.

– Ну... Ну давай!

Немного смущённый этой встречей, но почему-то довольный, я быстренько доплыл до своего берега, собрал вещи – в том числе и мокрые – и ломанулся напрямую, сквозь камыши, к новой знакомой.

– Быстро ты. – Она едва удостоила меня взглядом, уткнувшись в свой рисунок.

– Слушай, давай познакомимся что ли.

– Давай, ты будешь чувак, ладно?

– Почему чувак? – Я почти обиделся. Что-то мне не нравилось в таком обращении, в конце концов у меня имя есть. Простое имя – Саша. Зачем чувак?

– Не спорь. Если заслужишь – будешь Чел. А меня можешь назвать просто – Герла.

– Час от часу не легче. Ну герла – это еще понятно, значит, девушка. А почему Чел-то?

– Почему, да почему! «Чел» – это сокращённое от «человек». Это мой один знакомый Чел открыл – знаешь, когда

пишут с сокращениями – ну, «32 чел.», например, это значит 32 человека. Что тут непонятного?

– Да нет, всё понятно. Только странно немного. У вас тут все так говорят?

– «Тут» это где?

– Ну не знаю где. Ты откуда?

– Новосибир. А что, похожа на местную?

Я был удивлен.

– Кто ж с этюдником путешествует? Он хоть и складной, да тяжелый наверно.

– Хм. А ты? – Она кивнула на мой внушительный рюкзак.

– У меня необходимость. Там палатка и спальник.

– Вот и у меня необходимость. А спальник у меня тоже есть, только поменьше, наверно.

– У меня геологические. Дядька дал. Он с ними «в поле» раньше ездил. Они не для пеших походов, а чтоб на машине возить. Вот и здоровенные.

Она засмеялась.

– А ты откуда?

– Ёбург. Екатеринбург, значит. Или – Свердловск. Как хочешь – мой город по-разному называют.

Я поймал себя на том, что уже настолько привык придумывать себе жизнь, что сделал над собой некоторое усилие, назвав родной город, а не придуманный. Может её «Новосиб» это тоже выдумка?

– Можно посмотреть, что ты рисуешь?

– Ну смотри.

С листа ватмана на меня смотрело всё то же озеро, слегка искажённое, как обычно у художников. У меня сестра рисует. Уважать я это научился, а вот понимать – нет. Хотя, что тут понимать? Пейзаж он и есть пейзаж. Или как она его там называет?

– Куда едешь?

– Сначала на юг. Потом в Питер, наверное. А ты?

– Я к морю. Ни разу моря не видел.

И тут же поправился:

– Только Татарский пролив видел. Я у Черного моря не был. Была на Сахалине?

Думал, она удивится, спросит, где это, но нет – она не удивилась. Промолчала.

– Я почти всю страну изъездил. Ну... кроме Камчатки, Азии и Черноморского побережья.

– Так уж и всю? Да ладно, верю. Хочешь, поедем вместе?

Вот это была удача! Меня давно подмывало предложить, да боялся, что откажет – мы же едва знакомы. А тут сама предлагает.

– Конечно! Почему бы и нет?

На радостях я соорудил небольшой костерок, и мы с удовольствием закусили моей «быстрой» лапшой. У неё еды не оказалось.

– Меня драйверы кормят, – пояснила она. – Зачем лишнее таскать?

Этюдник она, видимо, «лишним» не считала.

* * *

К вечеру мы пошли на трассу. Предложить ночевать возле озера нашего знакомства я как-то не решился. Договорились ехать – значит надо ехать. Хотя один я уже голосовать не пошел бы: не люблю устраиваться на ночлег в темноте. Как, интересно, спит моя «герла»? Последние несколько часов мы болтали уже как старые знакомые, однако оставалась всё же какая-то незримая дистанция. Я поймал себя на мысли, что не очень-то доверяю девушкам, с которыми не спал... И тем, с которыми спал, – тоже далеко не всем. Впрочем, делиться такими мыслями я не торопился: если в наших отношениях и был какой-то сексуальный подтекст, то не более чем в любых отношениях двух разнополых существ. Общее правило – в таких делах лучше не торопиться. А её этот вопрос, по моему, вообще нимало не заботил. Или не показывала.

Когда мы шли к трассе, я заметил, что она слегка прихрамывает.

– Ногу натёрла?

– Нет, ушиблась. Сегодня утром пришлось сигануть на ходу. Драйвер руки начал распускать. А мне противно – что им, проституток что ли мало?

Я промолчал. Но ответ на свой незаданный вопрос, по моему, уже получил.

Но она ещё не закончила.

– Вот, смотри! – Она задрала свою штанину-«юбку» и показала здоровенный синяк.

Я невольно потянулся к нему рукой, но он тут же исчез обратно за ткань.

– Тебе нравится ездить «стопом»? – она явно хотела отвлечь мое внимание от своей ноги.

– Не очень. А тебе?

– Мне нравится смотреть на дорогу.

Это я понимал – мне тоже всегда нравилась бегущая лента. Это, пожалуй, единственное, что мирило меня с автостопом.

Тут мы вышли к дороге, и она, не снимая рюкзака, протянула руку с вытянутым вверх большим пальцем – международным знаком хитчхайкеров – проносящемуся мимо «КамАЗу». Он резко снизил скорость и свернул к обочине.

Я даже не успел обрадоваться удаче. Мы рванули ему вслед.

* * *

Водитель-дагестанец сверкнул в улыбке золотой челюстью. Я даже не понял – нравится он мне или нет, как девушка уже сидела рядом с ним, устроив свой рюкзак на коленях. Пришлось мне закидывать свой и захлопывать дверь.

Мага (сокращенно от «Магомед», так звали дагестанца)

ехал в Волгоград. Это было, конечно, по пути, но сегодня мы вряд ли могли доехать дальше Тольятти. Моя знакомая представилась ему Аней и весело принялась о чём-то щебетать. Я ревниво про себя отметил, что в разговоре с ним она была куда активнее, чем со мной. Но вскоре ощутил всю прелесть ситуации – сиди себе, молчи, наслаждайся дорогой. Давно о таком мечтал.

Мага, оказалось, продавал арбузы в моем родном Екатеринбурге – вернее, сдавал оптом. А теперь гнал пустую фуру домой.

Вскоре я понял, почему так долго не удавалось поймать попутку: на обочинах, с обеих сторон дороги, стояли странные стенды – перечеркнутый красным крестом голосующий человек и надпись: «Водитель – будь бдителен!».

– Бандитов тут много, – охотно пояснил водитель, видя мое удивление.

Я, конечно, никогда не обольщался на предмет криминальной безопасности – родной Свердловск и тот давно уже держал первое место по преступности в стране – но чтоб плакаты вывешивать! Если бы не Аня (если она, конечно, Аня!), я бы мог тут застрять надолго.

Опять же могильных крестов – этого непременно атрибута российских трасс – тут было больше обычного. Куда черт занёс?

Словно в ответ на мои страхи из-за поворота показался одинокий «гаишник» с жезлом в руке, приказывающий нам

остановиться. Из кустов едва выглядывал старенький «жигуленок» с прицепленной на крышу мигалкой. Я сразу же почему-то вспомнил зимнюю трассу Свердловск-Тюмень, где мне пришлось работать экспедитором пару лет назад. Хозяин груза тогда вместе с «сопроводилкой» выдал мне газовый пистолет и, дрожа жирным подбородком (почему-то именно эта часть мне запомнилась из всего этого «чела»), трагическим шёпотом рассказывал про беспредел местных «ментов», которые «хуже бандитов». Тогда, помнится, всё обошлось...

Лейтенант с каменным лицом козырнул и попросил документы. Я подумал вначале – только водителя, оказалось нет – нас тоже. Мага остался спокойным, даже о чём-то пошутил, Аня же (или мне показалось?) напряглась и немного побледнела. Неужели у неё в рюкзаке «травка» или что похуже?

Доставая документы, я мельком взглянул на паспорт, который она доставала из рюкзака. Он слегка приоткрылся, и я успел разглядеть пару букв: «.....ва» и «..на», «.....вна». Не густо, однако, скорее всего, правда «Анна», хотя с тем же успехом «Ирина» или даже «Оксана». Но вроде букв меньше...

Лейтенант молча просмотрел паспорта и вернул обратно – ни вещи, ни машину досматривать не стал. Когда мы тронулись, то почудился мне со стороны Ани лёгкий вздох облегчения.

* * *

...Проснулся я уже затемно. Как задремал – сам не заметил. Света в салоне не было, разговоров – тоже. Машина на большой скорости неслась вперёд, слегка виляя из стороны в сторону. Мне почему-то почудилось, что вместо крутого поворота налево (фары выхватили дорожный знак) мы сейчас вылетим с обочины вперёд, в темноту, закрытую лесом.

Я взглянул налево, через спину Ани, и с ужасом увидел, что Магомет уткнулся лицом в баранку. Холодные мурашки побежали по спине, я протянул к нему руку...

... И наткнулся на руку Ани, которая требовательно, но в то же время (нежно?) толкала его за плечо. Водитель поднял голову как раз вовремя, чтобы вписаться в поворот. Мне показалось, что его золотые зубы блеснули улыбкой. Всё это – в полнейшей тишине. Мурашки по моей спине побежали вторично. Я заставил себя сказать какую-то глупость. Потом – ещё и ещё. Водитель отвечал спокойно, как всегда.

Вдали показалось море огней – мы подъезжали к Тольятти.

* * *

Я уже прикидывал, где нам лучше сойти – в пригороде

или в центре (лес перед городом, где можно было бы раскинуть палатку я, дурак, благополучно проспал!), когда Мага оживился и весело предложил:

– Сейчас заеду, возьму шашлык, хачапури – всё свежее. Угощаю.

Мы переглянулись. Вернее, это я хотел переглянуться, Аня согласно кивала головой. Что ж, расслабиться – всё, что мне оставалось. В конце концов, мы же сами по себе... Хотя... по-моему, я Маге уже намекнул, что Аня – «моя девочка». Интересно, что она по этому поводу думает?

– Переночуете у меня в фуре, там есть два одеяла, – между тем продолжал Мага.

Я готов был его расцеловать. Неужели всё так просто? Всё так хорошо и всё так просто!

После бесконечной череды улиц (почему-то, как правило, темных) мы тормознули возле небольшого магазинчика. Мага быстро выскочил из кабины и направился к нему, оставив нас одних в тёмной кабине. Я накрыл ладонью Анину руку. Она осталась неподвижной – ни ответного пожатия, ни сопротивления. Я её сжал, отпустил и выскочил из кабины покурить – некурящие водители (а Мага не курил) были ещё одной причиной моей нелюбви к «стопу». Ну не проситься же останавливаться на «перекур» в дороге.

Закурив, я подошел к магазину. Оказалось, это даже не магазин – скорее кафе «азиатского типа», то есть «Шашлыч-

ная». За витриной Мага, смеясь, о чём-то трепался с грудастой продавщицей, явно старой знакомой.

Вскоре он вышел с объемным пакетом и парой бутылок вина. Я «в дороге» не пью принципиально, но тут даже порадовался: после его заявления «Спать будете в фуре» почему бы и не выпить вина?

– Что-нибудь взять ещё? – поинтересовался я у него. Денег у меня почти не было (кроме пластиковой карточки – я запасся ею, потому что «так сохраннее», и намучился уже жутко, тут ведь не Европа, чтоб были банкоматы на каждом углу), но... но я должен же был спросить! И в ответ услышал то, что ожидал:

– Я угощаю, не беспокойся, дорогой!

И мы двинули дальше. Снова бесконечные улицы, потом окраина – и, наконец, какая-то своротка в лес: у водителей свои «места отдыха». Я бы, конечно, на месте Маги предпочел платную охраняемую стоянку, но... хозяин – барин.

Мага заглушил мотор, включил в кабине свет и не спеша стал разворачивать свертки. Пахнуло свежим шашлыком – у меня аж слюнки потекли. Взглянул на Аню – она была молчалива, но видно, тоже рада, это тебе не «быстрая» лапша по-китайски. Каким-то волшебным образом в руках Маги бутылка избавилась от пробки, и я первым протянул ему стакан.

– За случайное знакомство!

– Давайте, за удачу!

И тут рука его застыла в воздухе. Я взглянул вперед. С трассы в нашу сторону, посверкивая фарами, одна за другой свернули три «легковушки». Мага поставил так и не пригубленный стакан назад и погасил в салоне свет.

– Тихо! – шикнул он на нас и, потянувшись к моей двери, застопорил ручку в нижнем положении.

Оказалось – не зря! «Легковушки», хищно порыскав фарами по кустам, наконец, увидели нас и взяли в полукольцо. В двух из них открылись все двери разом, и не успел я опомниться, как чья-то грубая рука молча и жёстко дёрнула дверь с моей стороны. Я осторожно глянул сквозь стекло и обомлел: со всех сторон поблёскивали автоматные стволы.

– Твою мать! – вырвалось у меня. Расклад мне представился как наяву: мордобой, может быть даже изнасилование и убийство. Чего ещё ждать от людей, которые сначала достают автоматы, а уже потом хотят разговаривать? Да и хотят ли вообще – или сразу начнут палить по кабине?

Сразу вспомнился свердловский случай – меня бьёт по лицу пьяный бугай, дружок которого, ухмыляясь, с трудом удерживает рвущегося с поводка бультерьера и шипит:

– Только дёрнись, сука! Только дёрнись!

Нет, здесь даже хуже, пожалуй, – там хоть били, а тут, кажется, будут убивать. Беспомощно я взглянул на Магу.

Он был спокоен, азиатское его лицо приобрело какую-то необычайную бесстрастность. В правой, опущенной вниз,

руке блеснула вороная сталь. Левой он неторопливо при- спускал стекло.

Из-за окна дохнуло сырым ночным воздухом. Оно напоми- нило мне какой-то черный зев – как пасть неведомого чудо- вища. В эту-то пасть и склонилась голова Маги. Я услышал речь на незнакомом наречии.

Изредка доносившиеся обрывки фраз мне ни о чем не го- ворили. Впрочем, всё ясно было и так – его просили выйти, а он настойчиво о чём-то просил в ответ. В это время с мо- ей стороны доносился родной русский мат, смысл которого сводился к перечислению того, что со мной сделают, если я немедленно не открою дверь. Убедить меня в этом, правда, было совершенно невозможно: руки просто не слушались.

Это длилось бесконечно. Наконец, кажется, Мага в чём- то их убедил: из третьей машины, двери которой до этого не открывались, вышел один человек и подошёл к кабине. Раз- говор их был короткий и деловит. Левой рукой (правую Мага продолжал держать вдоль тела внизу) – ах не прост оказал- ся наш водила! – он полез опять куда-то под сиденье и до- стал небольшую пачку купюр, которую, не считая, протянул в черную пасть. Пасть деньги приняла и через несколько ми- нут легковые монстры, урча, умчались восвояси.

Дрожащей, всё ещё непослушной рукой, я дотянулся до стакана вина и опрокинул его в горло, не чувствуя вкуса.

– Э, нет, парень! – раздалось со стороны Маги.

Откуда-то появилась бутылка водки, и мой стакан напол-

нился прозрачной жидкостью. Её вкус я почувствовал, действие – тем более, а вот вкуса ароматных шашлыков уже не помню.

* * *

Очнулся я на одеяле, внутри темной фуры, насквозь пропахшей гнилыми арбузами. Очнулся от жара молодого тела прямо перед собой. Рефлекторно я потянулся к нему, прижал к себе.

Вспомнил: меня вывернуло, потом я, качаясь на ватных ногах, спросил: «Где спать»? Мага открыл мне фуру и даже помог залезть в неё: у меня это получилось попытки с третьей. Слабым голосом я спросил:

– А Аня?

– Придет, придет. Спи!

Дальше – провал.

Горячечный жар Аниного тела проник сквозь ткань джинсов – моих и её – мои руки, неожиданно обретшие крепость, подробно изучали её рельеф. Но неожиданно получив отпор в виде крепкого рукопожатия, замерли где-то возле ребер.

Потом, уже совсем неожиданно, пришли вдруг крепкие объятия. Потом – поцелуй, почему-то солёный. В голову пришел вопрос: кровь или слёзы?

Слёзы, наверное.

Утром Мага был бодр и весел. Аня – задумчива и молчалива, как-то тихо мила. Я же был болен и мечтал более всего о цитрамоне.

Ехали весь день, иногда перекидываясь фразами. Не друзья – но добрые знакомые. Я несколько раз пытался нащупать Анину руку, но она куда-то ускользала.

Уже под вечер Мага покормил нас в придорожной столовой, а потом мы тепло попрощались у Мамаева кургана. Я махал вслед «КамАЗу» с чувством искреннего облегчения – всё закончилось. Родина-мать, возвышаясь над городом, тоже, казалось, махала своим огромным мечом.

Улыбаясь, я повернул голову к Ане.

– Куда теперь...

И споткнулся на полуслове.

Она сидела в траве, уткнув голову в колени. Плечи её дрожали от рыданий. Я осторожно дотронулся рукой до её плеча.

– Отходняк? Испугалась вчера?

Она резко отдернула плечо.

– Дурак! Я... я жизнь тебе вчера спасла, идиоту!

– Как? Чем?

– Чем-чем! Минетом, вот чем!

Рыдания прорвались сквозь ладони. Она подняла на меня полные слёз глаза.

– Ладно бы минетом. Они... он же обрезанный, что ему минет!

– Ты... Ты спала с ним? И молчала?!!

– Дурак! Он бы пристрелил тебя, если... Может, и меня тоже.

В бессильной ярости (откуда взялась?) я посмотрел на дорожку, где уже не было видно ни «КамАЗа», ни нашего Маги. Что-то я должен был сейчас сделать. Что?

– Ты... Он... Вы пользовались презервативами?

Она помотала головой. Слезинки брызгали в разные стороны.

– Подожди, а вензаболевания? Сколько, думаешь, у него шлюх было? А дети, в конце концов?

– Бог с ними, с венками. А дети – детей не хочу!

Я должен был что-то сделать.

– Давай в аптеку. Накормим тебя постинором. Чего-чего – а детей точно не будет. Зачем тебе черненькие?

* * *

Постинор мы нашли. Я потратил на него последние наличные. Аня, немного успокоившись, заявила неожиданно:

– Знаешь, я лучше поеду в Питер. Не хочу на юг.

– В Питер так в Питер. Поехали вместе – не хочу тебя одну

оставлять. Сейчас, по крайней мере.

– А я хочу ехать одна. Пожалуй, спокойнее!

В общем, мы поссорились и пошли в разные стороны. Последние её слова потом долго звучали у меня в ушах:

– Знаешь, а он – самурай и чел. А ты... Ты – чувак.

Вот так всё и кончилось. Я искал её потом – да где там!

Тварь ли я?

Мало того, что чёрт дёрнул меня начать работать корреспондентом этой идиотской жёлтой газетёнки, так ведь ещё и имел глупость нахвастать там, что являюсь другом семьи К. – самого известного писателя в нашем городе. А вот сегодня сорока на хвосте принесла: писатель умирает. А мне... Да, кому же, как не мне, нужно отразить это событие в газетной колонке.

Нет, поначалу я не сильно обеспокоился: написать о хорошем писателе легко. Но я забыл, где работаю: этим шакалам требуется не литературный анализ его творчества, а подробности смерти «из первых рук». И как я не плюнул им в лицо? Тварь... кто же я ещё?

Да, я тут действительно бывал, хотя насчёт «друга семьи» – соврал, конечно. Впрочем, в квартиру К. я попал без хлопот – то ли лицо моё показалось знакомым, то ли сказала моя многолетняя привычка всюду пролезать со своим длинным носом...

В комнате, где на огромной двуспальной кровати лежал один из последних классиков современности, кроме меня и ЕГО, трое: жена, врач и ещё один типчик – известный пьяница и прощелыга, именующий себя художником. По стечению обстоятельств я знаю их всех достаточно хорошо, и,

признаться, лучше бы не знал!

Желтое месиво лица прижизненного классика асимметрично. Трудно себе даже представить что-либо менее эстетичное: триумф разлагающейся плоти, уже утратившей даже признаки могучего когда-то интеллекта. Собравшиеся рядом кажутся мне стаей гиен возле издыхающего льва: молодая жена, старательно изображающая скорбь на лице. Её глазки то и дело выглядывают из-под опущенных век, чтобы поймать взгляд доктора. Уж кто-кто, а я-то знаю, что этот врач тут не случайно: еще полгода назад фото его обнаженного мускулистого торса, обнимающего плечо этой ныне страдающей от скорби Дианы украшало стенд нашей редакции... Перед кем они играют комедию? Разве что перед этим... с позволения сказать художником. Трупоед! При одном взгляде в его сторону меня аж передернуло от отвращения. Нашумевшая выставка им лично забальзамированных тел, непристойно смешанных с мусором, найденным на помойках. Последний писк искусства, которому был в нашей газете посвящен целый разворот... Б-р-р... А сам я? Чем я их лучше?

Тусклый свет электрической лампочки в комнате умирающего разлился по обоям, как разводы мочи по стенам общественного сортира. Чтобы хоть как-то совладать с чувствами, обуявшими меня, я прибег к старому и испытанному методу: воткнул в ухо кнопку плеера и нажал «Play».

О, блаженство! Прямо в мозг мне влетел Умберто Эко,

чьим голосом, который не смог испортить ни перевод, ни дикция чтеца, Адсон вдруг провозгласил:

«Внезапно девица предстала предо мною той самой – черной, но прекрасной – возлюбленной Песни Песней. На ней было заношенное платьишко из грубой ткани, не слишком благопристойно расходившееся на груди. На шее бусы из цветных камешков, я думаю – самые дешёвые. Но голова гордо возвышалась на шее, белой, как столп из слоновой кости, очи были светлы, как озёрки Есевонские, нос – как башня Ливанская, волосы на голове её, как пурпур. Да, кудри её показались мне будто бы стадом коз, зубы – стадом овечек, выходящих из купальни, выходящих стройными парами, и ни одна не опережает подругу...».

И случилось чудо – в эту страшную комнату вошла ОНА. И уже не с уст Адсона, а с моих собственных губ сорвалось:

«Ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской, как лента алая губы твои, половинки гранатового яблока – твои ланиты под кудрями твоими. Шея твоя как столп Давидов, тысяча щитов висит на нём.

И я спрашивал себя в ужасе и в восхищении, кто же эта стоящая передо мною, блистающая как заря, прекрасная как луна, светлая как солнце, грозная, как выстроенное к битве войско».

И пропала мерзкая комната вместе с её обитателями. И провалился в тартарары весь этот грешный мир, потому что

в этот момент я не в силах решить: бежать ли прочь или броситься к ней навстречу, и кровь гремела в моих висках, как трубы Навиновых армий, повалившие стены Иерихонские, и пока я жаждал коснуться её и страшился этого, она улыбнулась, будто в великой радости, тихо что-то простонала, как нежная козочка, и взялась за тесемки возле шеи, державшие её платье, и распустила их, и платье соскользнуло вдоль тела, как туника, и она стала передо мною как Ева перед Адамом в Эдемском саду. «Те сосцы пригожи, что выпирают не сильно... Что вызвышаются еле...», – шептал я, ибо перси её походили на двойни молодой серны, пасущиеся в лилиях, и живот – на круглую чашу, в которой не истощается ароматное вино, чрево же – на ворох пшеницы, обставленный лилиями.

И помню только, что был окружен её объятием, и вдвоём мы падали на пол, и неизвестно, её ли стараниями или собственными я избавился от всего на меня надетого, и мы не стыдились ни себя, ни друг друга, и всё было хорошо весьма...

Очнувшись, потрясенный, на ветру, который задувал мокрый снег на мою непокрытую голову, всё что я мог – это прийти пешком сюда, в мой дом, вот к этому ненавистному мне компьютеру и написать это...

А вот сейчас, как ни отдаляю я этот миг, мне нужно писать то – другое – для газетной колонки. И я напишу, конечно, и, как тварь дрожащая, буду делать это с грустью.

Впрочем, всякая тварь грустна после соития.
Omne animal triste post coitum.

Как я упустил свою любовь

Как? Да очень просто упустил. Стояла она в коридорчике, прямо на моём пути. Я вроде бы и взгляд-то совершенно беглый на неё бросил, а узнал – как же не узнать? Брюки-клёшики, прядочка волос свисает (наверняка сейчас закинет её назад, чтоб не мешала), блёстка с левой стороны носа... больше ничего описать не могу – уже мимо проскочил. Да ведь не в этом дело – не в описании, а в том, что нужно было сказать:

– Привет Юкки, как ты здесь оказалась?

И всё в таком духе... Говорят, про то, что нужно делать, чтобы понравиться девушке, тысячи книг написаны. Но все те, кто секретом этим владеют, таких книг не читают. В крайнем случае пишут – и то это очень сомнительно... Я-то знаю, в чем мой секрет: я умею разговаривать и умею слушать – это редкое сочетание...

Всё дело в том, что именно в этот момент я не мог ни то, ни другое. Причина совершенно ужасна: у меня дичайшее похмелье – кажется, не только голова, но и всё тело разобрано на кусочки, которые силятся функционировать. Безуспешно... Но даже не в этом самое страшное: самое страшное в том, что, позволь я сказать себе хоть слово, – даже самое малюсенькое словечко, вместе с ним из горла начнёт извергаться рвота – это совершенно точно.

В общем, прошёл я мимо. Блин.

Настоящую любовь ищут всю жизнь, но при этом не всегда подготовлены к встрече с ней.

Заколоть свинью

Если мальчик, то обязательно Борька (то-то мужики смеялись, когда Борис Президентом стал). С девочками разнообразнее, чаще почему-то Фроська. Как-то мне захотелось иметь дочь и назвать её Россией, тогда уменьшительное имя было бы Фрося. Смешно, правда?

Убивают их, как правило, на 7 ноября, по первому снежку – традиция такая, чтобы первый снег залить кровью. Предсмертный визг (крик? хрип?) особенный. Дело вот в чём: подходят, переворачивают на бок (для этого нужен навык и немалая сила), потом ножом – очень острым ножом – сначала бьют точно в сердце, а потом перерезают горло, почти от уха до уха. Когда заваливают на бок – визг, после того как перерезано горло – это уже крик и хрип. Кровь на снег льётся, пульсируя. Горячая. Её много, очень много, потом она чернеет, но сначала – очень красная, с пузырьками воздуха внутри. Эти пузырьки надуваются и лопаются. Как мыльные пузыри, в которые мы играем иногда, только алые. Эту кровь не все просто пускают на снег, некоторые её пьют – прямо стаканами, ещё теплую. Другие собирают в какую-нибудь посудину и потом делают из неё колбаски. Очень вкусные.

Всё, смерть уже наступила, а работа – только начинается: нужно паяльной лампой сжечь весь щетинный покров, с помощью ножа достать все внутренние органы и отделить нужные от ненужных. В общем, много всего, но это уже неинтересно.

Когда бросаешь девушку, с которой давно встречаешься, ощущение такое: убиваешь то, к чему привязался. Очень жалко конечно, но всё же делаешь это любя, индивидуально, а не как на скотобойне.

На скотобойне

Там всё иначе, всё поставлено на поток. Там можно наблюдать всю технологическую цепочку. Вот, к примеру, вход: испуганных, их гонят, они упираются, у них подкашиваются ноги, в глазах – (животный?) ужас. На выходе – готовые (даже почти симпатичные) туши, их везут в колбасный цех, он тут же неподалеку. Тетенька в белом халате всё отмечает в тетрадке.

Работают тут гуманно. Сначала хрясь под бочок – электрошоком – и всё, уже не дергается. Даже если чувствует что, уже хотя бы не визжит. Всё культурно. Момент смерти не помню, я его видел – это точно и должен помнить, но не помню. Зато помню, как за считанные секунды живое тело превращается в тушу: острыми ножами мужики там работают здорово, красиво смотреть, честное слово. А кровь тут не

собирают, она течёт под ноги. Но ничего страшного, там все в резиновых сапогах, а ещё там есть жёлоб, куда всё стекает.

Говорят, на больших скотобойнях есть свои сексоты среди животных: он (она? оно?) идёт, остальные за ним; все на мясо, а он жив, это его работа – за собой вести. Говорят, годами может работать. Я сам такого не видел.

Если ставишь отношения на поток, то это уже не отношения, а работа. Иногда она очень профессионально выполняется, иногда – нет. Но все-таки это job. This is my job.

Наверное, это грубые сравнения. Наверное, все сравнения грубы. Я купил минералку, я купил алказельцер. Я иду домой пешком, хотя это очень далеко. Мне не хочется (не может) курить, у меня обострено обоняние и затуплены все остальные чувства, в том числе и чувства душевные. Хочется думать о любви, а я думаю о свиньях. Странно: вчера было пиво, потом «Сальваторе» (это вермут, кажется), потом – красное вино. И ведь при этом свиньей я себя не чувствовал, и о свиньях не думалось. Пардон, секунду: один раз я подумал о том, что поступаю по-свински – девушка очень хотела той ночью остаться со мной, она очень искренне этого хотела, она не скрывала своего желания. Она хотела этого так, что я был ею восхищён. Если бы я был Кастанедой, обязательно бы назвал это желание желанием силы.

Я сделал всё, чтобы этого не случилось. Наверное, она обиделась. Наверное. Что ж удивительного тогда в том, что

с утра мне плохо? И уж тем более неудивительно, что думается о свиньях.

...Чуть позже, когда алказельцер начал действовать и мысли стали более упорядоченными, я понял две вещи:

Первая – девушку с прядкой волос я не видел этим утром. Дело даже не в воображении или галлюцинациях. Я видел Ефима (это уборщик? дворник? ну что-то в этом духе, он выносил с утра мусорные бачки), я был с ним знаком когда-то и очень хотел бы поздороваться, но не смог – по вышеупомянутой причине. И почему привиделось потом, что это была девушка с прядкой? Необъяснимо. На этом уровне рефлексии необъяснимо.

Вторая вещь проще: жгли листья, когда я шёл домой. Запах дыма моему обостренному обонянию напомнил запах палёной щетины, какой бывает, когда колют свиней.

Наверное, если заколоть любовь, то оставшееся от неё будет обязательно пахнуть как-то очень похоже.

Любовь как отсутствие любви

Я люблю тебя. Я жду тебя. Я верна тебе.

Почти.

Абстрактные категории

– А знаешь, – Лилечка перешла на интимный шёпот, – я в один прекрасный день поняла, что мыслю абстрактно, то есть совершенно неконкретно, а общими какими-то категориями.

Стасу Лилечка очень нравилась, особенно в те моменты, когда она говорила вот так вот, почти прикасаясь губами к его уху, так что кончики её длинных чёрных волос щекотали висок. Но стремление к истине в нём взяло верх.

– Как это «неконкретно»? Что это значит? Значит ли это, что ты говоришь это сейчас не мне – конкретному мужчине, – а говоришь так, абстрактно, то есть в никуда?

– Ты не понял, – она капризно надула губки. – Это означает, что я думаю, например, не о любви к конкретному человеку, а о любви вообще, о доброте вообще, о живописи вообще. Я даже о городе конкретном не думаю. Вот снится мне город: не знаю я его название и географическое положение, просто Город и всё. Мне это и не нужно знать. Конкретность – это слишком банально и прозаично. Скушно.

– Не-е, ты куда-то не туда, подруга. То есть, если ты со мной целуешься, это означает, что ты целуешься не конкретно со мной, а так, с абстрактным мужчиной? И на моём месте мог бы быть Вовка Бальмонт?

– Да при чем тут Вовка! Ты же знаешь, что он мне никогда

не нравился!

– Ага, значит, если бы ты целовалась с Бальмонтом, то ты бы знала, что это конкретный Бальмонт и то, что тебе с ним не нравится целоваться...

– Ну почему обязательно не нравится? Я же с ним не целовалась никогда, поэтому не могу точно сказать, нравится или нет...

– То есть человек тебе может не нравиться, а целоваться с ним нравится?

– Ну... абстрактно...

– Нет, я тебя не понимаю. Вот я, когда тебя целую, знаю, что ты – это ТЫ, что я целую ИМЕННО ТЕБЯ, и мне ты нравишься, и целовать мне нравится именно тебя...

– Это хорошо, конечно. Но скажи: а вот если бы ты застукал меня с Бальмонтом, скажем, в постели. Тебе бы после этого понравилось меня целовать?

– С Бальмонтом? С этим козлом? Да я после этого на полкилометра бы к тебе не подошёл! Скажешь тоже – с Бальмонтом! И вообще: причём тут Бальмонт? Он же тебе никогда не нравился!

– Это тебе он никогда не нравился! А я вот сейчас как представляю его губы...

– Ты смеёшься?

– Я никогда не была более серьезной: у него потрясающие губы. Он один умеет так улыбаться. А у тебя, между прочим, нижняя губа виснет и с неё капает слюна, когда ты волну-

ешься. Вот сейчас, например!

– Слушай, да иди-ка ты к Бальмонту со своими абстракциями, может он оценит! А с меня довольно! Только такая корова как ты, только и может восхищаться козлами типа Бальмонта!!!

«И чего он разозлился? – удивлялась Лилечка. – Я всего лишь хотела поговорить с ним на абстрактную тему. Поделиться сокровенным, так сказать... А он, понимаешь, прикопался, да ещё и Вовку зачем-то приплёл... Нет, с этими мужчинами определенно невозможно поговорить искренне о том, что тебя действительно волнует».

Она встала, покрутила в руке свой миниатюрный мобильник, потыкала на кнопки... И вдруг подумала: «И с чего это я взяла, что мне не нравится Вовка Бальмонт? Ведь определённо интересный молодой человек».

...– А знаешь, – Лилечка перешла на интимный шёпот, – я в один прекрасный день поняла, что мыслю абстрактно, то есть совершенно неконкретно, а общими какими-то категориями.

Вовке Лилечка очень нравилась...

Про китайскую вазу

ОНА очень любила цветы и рассказы, которые ОН писал. А ОН был идеальным мужчиной: не реже, чем раз в неделю дарил ей новые цветы, а потом садился писать для НЕЕ очередной рассказ.

Цветы ОН дарил разные, в зависимости от времени года. Летом – всё больше полевые, почему-то ЕЙ очень нравились самые простые: ромашки, колокольчики... Осенью это мог быть тяжелый гладиолус или нежная, почти невесомая фиалка, зимой – роза или лилия, весной – первый подснежник или только что расцветшая мать-и-мачеха.

...Сегодня был не цветок – это была ветка сирени, и от неё почему-то веяло печалью. ОНА чувствовала эту печаль, но никак не могла понять причину её появления.

Все худшие ЕЁ предчувствия оправдались, когда ОН не сел, как обычно, писать, а вместо этого надел свой лучший костюм, сервировал стол и начал нервно похаживать по комнате, поглядывая на часы. ЕГО шаги становились всё порывистее, а ЕЁ волнение от этого всё возрастало.

Раздался звонок в дверь, и зашла Черноволосая. Вся в помаде и косметике, от неё пахло экстрактом, сделанным из мертвых цветов, спирта и чего-то отвратительно-едкого и пахучего, похожего на кошачью мочу.

«Это – рассказ?.. Это и есть твой сегодняшний рассказ?!», – хотелось закричать ЕЙ. – «Немедленно выгони эту вонючку и садись писать!».

Но ОН, вместо того, чтобы услышать ЕЁ, начал вилять из стороны в сторону тем, что у мужчин заменяет хвост. Снимать с неё отвратительную белую курточку и болтать какие-то глупости.

Всё ничего, даже это можно было бы стерпеть, но после этого ОН прикоснулся к её отвратительно пахнущей щеке своими губами и подошёл, чтобы отобрать у НЕЁ ветку сирени.

«Нет! Не делай хотя бы этого!!!».

Но ОН сделал. И ЕЁ сердце разбилось на кусочки. На мелкие кусочки.

– Моя ваза! Моя любимая китайская ваза! – вскричал мужчина в отчаянье.

– Какой ты неловкий, – хихикнула Черноволосая.

И пока ОН заметал осколки той, что так беззаветно его любила, пошла к зеркалу, чтобы поправить прическу.

Любовь первого дозвонившегося до кладбища

...Ближе к обеду двух синяков – Ваську и Михалыча – я прогнал опохмеляться: для них работа уже закончилась, а вот для меня только начинался самый ответственный её этап – мне предстояло ещё основательно углубить могилу... Сам я называю эту операцию «подкидыш». Где, как не в свежей могиле, проще всего упрятать «левого» жмурика? Во-во! Наши ребята тоже об этом прекрасно знают, а ещё они знают, что я не болтлив и мзду беру умеренную. Сам же я не считаю чем-то особо плохим, что красавице, которую завтра похоронят в этой яме, будет приготовлен метром ниже партнер. Небось, лежать вдвоём не так скучно будет!

Одна беда: ниже двух метров от поверхности копать – сплошная морока: глина там такая плотная, что её даже лом почти не берет, а сама могила углубляется настолько, что без лестницы и не выберешься! Впрочем, лестница у меня есть, да и место для таких вот – особенных – могил я подбираю поближе к своей сторожке, чтоб не сильно морочиться с доставкой инструмента.

...За час работы я так упарился, что аж колени затряслись. Теряю форму! Прислонился спиной к земляной стене, вытащил сигарету и с наслаждением затянулся. И вдруг сверху

услышал что-то странное:

– Са-а-лавей мой, са-а-алавей. Га-а-аласистый са-а-алавей!

Вот уж никогда не слышал, чтоб на кладбище кто-то пел! Заинтригованный, я вылез из могилы, уселся прямо на груду свежевыкопанной земли, от которой шел пряный запах, и огляделся. Кругом – день как день: обычный майский денёк на нашем кладбище – солнышко пригревает, могилки зеленеют свежей травкой...

И тут снова слышу:

– Са-а-алавей мой...

И, наконец, вижу чудо природы, от которой исходит «ария»: молоденькая девчушка в невообразимо стильно разодранных джинсах, с сумкой ниже колена и какой-то удивительно уморительной физиономией.

Я выплёвываю изо рта окурочек и начинаю присвистывать, стараясь попасть в такт. Получается недурно: по части художественного свиста я всегда был на высоте.

Какое-то время мы с этим чудом составляем прекрасный дуэт. И настолько это замечательно у нас получается, что через минуту она уже заливисто смеётся и подходит ближе.

Эх, если б я не был в этой дурацкой спецовке! Мы бы с ней... соловьями. Но гонора не теряю.

– Откуда такая редкая птичка? – спрашиваю.

Но та меня совсем не слышит, зато разглядывает с любопытством.

– Вау, чувак, – говорит. – Да ты гробокопатель?

Отрицать сие бесполезно, да, впрочем, и незачем: почему-то моя профессия вызывает у девицы дикий и необузданный восторг. Она радостно трясёт своей гнедой гривой и говорит странное:

– Типа тень отца Гамлета, второй могильщик, и всё такое?

О чём это она – я не понимаю, но улыбаюсь: её восторг мне льстит. А ещё я – человек опытный, не мальчик уже, слава богу, поэтому на пике её восторга стараюсь поймать:

– Дай свой телефончик, пташка. Споём как-нибудь!

Видно, что она в некотором сомнении. Но быстро выходит из положения: запоминай, говорит, гробокопатель, и строчит пулемётом цифирки. Думает – ни в жисть не запомню. Ошибается: теперь её телефончик уже у меня!

– А имя? – развиваю я успех.

Но та, по-моему, уже пожалела о случайном знакомстве. Вдруг отпрыгивает козочкой и говорит грубо:

– Трахнуть меня вздумал, козел страшный? Своих жмуриков трахай, некрофил!

И, видимо вполне удовлетворенная произведенным эффектом, поворачивается ко мне оттопыренной попкой.

Я хватаю ртом воздух, как рыба, вытщенная из воды. Вот те и «пташка»! Таких пигалиц надо вежливости учить! Ну, – думаю, – сейчас ты у меня запоёшь!

Выхватываю из земляной кучи камушек, чтоб в руку лёг удобно и швыряю ей вслед. А камни, надо сказать, я кидаю

даже лучше, чем свищу. Но тут маленько опростоволосился: хотел только пугнуть, а вышло... Нехорошо, в общем, вышло: угодил камушек моей пташечке ровнехонько по затылку, и она упала, как подкошенная.

Ё-моё! Ну что за день сегодня, а? Я подскочил к ней, наклонился... А она, родненькая, и не дышит уже! Такая теплая, мягкая, а не дышит. Я её и так, и сяк, и даже дыхание ей в рот (губы мягкие, но безвольные), а она только побелела вся...

Как я перепугался! С моими судимостями такое происшествие за несчастный случай точно не сканает!

...Жмурика привезли ровно в полночь, как и обещали – тоже в гробу. Я сидел грустный и пил водку: гибель солоушки меня волновала куда больше, чем очередной уралмашевский жмурик. Холодно я попросил сгрузить «подкидыша» у могилы да помочь опустить на самое дно. Деньги взял не считая, от предложения «помочь присыпать» отказался и отправил братков восвояси... Хлебнул ещё полстаканка, а потом бережно взял пташечку мою на руки и, глотая слезы, понёс её туда же, к могиле. Снял крышку с гроба, выволок оттуда «подкидыша» – мордатого тяжеленного мужика лет пятидесяти, а на его место положил пичужку: всю, как была, даже сумку у неё не тронул! А потом пошел заливать горе водкой и слезами.

...Я рыдал всю ночь и только утром забылся беспокойным сном, а днём пошел на похороны. «Официальная» покойница тоже оказалась молодой и красивой девушкой, причём какой-то известной: то ли модель, то ли жена банкира... Народу было... Многие плакали, и я плакал тоже. Потом мне налили водочки.

...А к следующей ночи совсем мне худо стало: пью водку стаканами, а не берёт она меня, проклятая. Не берёт и всё тут! И так мне тошно стало, что жить на свете расхотелось. Достал я из кармана гранатку РГД-5, всунул пальчик в кольцо и думаю: р-раз, сейчас – и кишочки по стенам. Васька с Михалычем закопают как надо...

Сижу, колечко гранатки в руке кручу, и только одна мысль тревожит: будто забыл чего. И тут всплывают у меня в памяти цифры телефона моей пташечки. Я достаю свой сотовый и набираю непослушными пальцами sms: так мол и так, прости за душу свою невинно загубленную, скоро на том свете соединимся. Отправляю её... и показалось, что вроде как ушла по адресу. Впрочем, не поручусь: всё-таки литр водки в одного – это не шутка...

* * *

Едва стемнело, когда Сергей подошел к кладбищу. Осторожно пробрался к окну сторожки, заглянул в него: несмотря на включённый свет, сторож был абсолютно безопасен –

он мирно спал сидя за столом, уронив голову на руки. Рядом стояла почти пустая бутылка водки. Классика жанра!

Сергей пошарил – и даже в темноте, не зажигая фонаря, обнаружил всё, что ему было нужно: две лопаты, заступ и лом. Аккуратно взяв всё это хозяйство под мышку, он отправился к свежей могиле.

Работа была не из лёгких, но он не останавливался: знал – в таком деле нужно торопиться.

«Надеюсь, не соврали про то, что эту красавицу похоронили в бриллиантах», – шептал он сквозь зубы, и продолжал копать с удвоенной энергией.

... Часа через два лопата, наконец, ударила в крышку гроба. Сергей аккуратно расчистил её от земли и подцепил острым краем лопаты. Скрипя, та неохотно начала подаваться...

* * *

... Очнулся я от рвотных позывов, которые с трудом подавил. Комната плыла перед глазами. В одной моей руке был телефон, в другой – граната.

Почему-то, несмотря на отвратительное самочувствие, мне показалось именно сейчас очень важным проверить: прошла эсэмэска, или это мне только показалось? Конечно, показалось: надпись на светящемся экране явственно показывала, что письмо не было доставлено. Автоматически я

послал её повторно. Телефон пискнул... и доставил sms по назначению! Я тупо смотрел на это чудо.

* * *

– Обманули суки! – Сергей, шипя, в сердцах отбросил лопату в сторону. На покойнице не было не только сережек с бриллиантами, но даже цепочки с крестиком!

Вздыхнув, он собрался было уже вылезать из осточертевшей могилы, как вдруг услышал откуда-то из-под земли писк, какой издают сотовые телефоны, когда принимают сообщения.

Он прислушался. Писк повторился.

Озадаченный, он вновь принялся копать.

Буквально через минуту наткнулся острием лопаты на лакированный ботинок, торчавший из земли. Присвистнул и продолжил работу.

Второй покойник был не чета первому: на его шее была массивная золотая цепь. Довольно усмехнувшись, Сергей начал обшаривать карманы его забитого землей пиджака в поисках сотового. Но сотового не было!

Озадаченный, он в недоумении остановился. И тут снова отчетливо услышал писк!

...Когда он добрался до второго гроба, удивлению его уже не было предела.

– Братская могила, – сказал он сдавленно.

На этот раз телефон нашелся быстро: он висел на шее покойницы: юной черноволосой девушки в драных джинсах и светлой маечке. Он аккуратно снял его вместе с ремешком и... движимый необъяснимым любопытством, взглянул на экран.

В папке «Входящие сообщения» высветилось самое позднее: «Прости меня, пташечка, за душу твою невинно загубленную. Скоро на том свете соединимся!».

И тут... чёрт дернул его пошутить. Он набрал номер, с которого пришло sms. Один гудок. Второй. Третий... Наконец, мужской голос ответил: «Да». И тогда Сергей завыл в трубку замогильным голосом!

Результат превзошёл самые смелые его ожидания: вместо ответа где-то совсем поблизости раздался взрыв.

Это было так неожиданно и пугающе, что Сергей выронил телефон, зайцем выскочил из разрытой могилы, и пустился наутек. Он не заметил ни того, что в сторожке выбито окно, а дверь висит на одной петле, ни того, что труп хозяина этой сторожки теперь можно соскребать со стен...

* * *

Телефон, лежащий среди нагромождения мертвых тел в разрытой могиле, неожиданно снова ожил и запиликал: «Са-а-лавей мой, са-а-алавей...». Замолк. Потом повторил всё сначала.

Неожиданно в темноте чья-то рука нащупала аппарат и нажала на нём кнопку. Раздался сдавленный голос:

– Да!

– Эй, Козявкин! – раздался весёлый голос из динамика. – Второй день дозвониться не могу! Тебя, случаем, ещё не похоронили?

– Да нет, вроде... А надо, да?

– Быстро, домой! Попу начищу!

– А... А поцеловать?

– Целую, любимая! Давай, жду.

– Иду, милый. Уже иду.

Про грязных женщин

Формулу, которая заложена в анекдоте про чукчу и француженку, Макеев для себя вывел самостоятельно, причём не рассудочно, а скорее интуитивно.

Вы помните этот анекдот? У чукчи, который сначала женился на француженке, а потом с ней развёлся, спрашивают: «Почему развёлся-то?». Он: «Да грязная она какая-то, моется всё время!».

Жену Макеева звали Агнессой, и она была большой поборницей чистоты. Дома всё постоянно чистила-вылизывала, ненавидела домашних животных (шерсть и грязь!), а мужа, собственно Макеева, терпела, казалось, с большим трудом. Стоило ему прийти домой с работы, как она вела в его сторону своим чувствительным носом, и он без слов понимал: пора немедленно под душ и сменить всю одежду, а иначе вечер будет окончательно испорчен.

Не то чтобы он это осуждал... Нет. Скорее, подобное поведение жены вызывало в нём... брезгливость. Да, да, именно брезгливость: никак иначе он не мог для себя описать это чувство. Будто бы эта её внешняя стерильная чистота скрывала за собой какую-то внутреннюю грязь, которую старательно пыталась она смыть чисто внешними действиями. Впрочем, внешне недовольства он не проявлял: это был

вполне стандартный воспитанный (если не сказать – дрессированный) послушный муж, доверявший жене зарплату и мелкие производственные трудности своей бытийно-трудовой деятельности и не позволявший себе половых связей на стороне. Ещё в пору молодости этот человек решил про себя, что «любая женщина стоит любой другой» и, будучи стремительно «окольцован» Агнессой, не проявил к этому событию сколько-нибудь сильного интереса. Служил своей семье, будто долг кому-то отдавал. Единственное, в чём он смел иногда проявлять недовольство, так это отсутствие у них детей, но та только морщила носик: «Фу! Грязь, крики...». Не то чтобы Макеев очень уж сильно любил детей, нет, не больше других мужчин, значит почти вовсе не любил, а просто потому, что без них в жизни не хватало чего-то... Такого... Глубже он не рефлексировал: не до того было.

И всё бы ничего: длилось это годами, могло бы – десятилетиями, если б не один случай. Случай, явившийся в виде друга, пригласившего его в ресторан в вечернее время. Ресторан был обычный, может, разве чуть дороже других. Необычным было место, где стоял их столик: прямо перед небольшой сценой, где исполнялись танцы и стриптиз в угоду посетителям. Вообще к подобным вещам Макеев относился если не безразлично, то вполне спокойно: пик своей сексуальной активности он уже благополучно пережил, а к стариковскому гурманству ещё не подобрался, поэтому контролировал себя хорошо. Но тут его привлекло даже не

столько зрелище... Нет, не так. Скорее зрелище плюс запах.

Было так: они поужинали и разминались сигарами (позволенными Макееву лишь вне дома, поэтому вдвойне приятными), когда на небольшую сценку выпрыгнула девушка, исполняющая танец живота. Ни в танцах, ни даже в девушках Макеев особо не разбирался, как, впрочем, и во многом том, чего не касались его профессиональные обязанности (он был экономистом, причём очень неплохим). Но зрелище его привлекло: девушка, стоя почти неподвижно, начала вдруг вибрировать различными частями тела. Быстрее, быстрее, ещё быстрее, пока не дошла до такого бешеного темпа, что, казалось, начала расплываться, раздваиваться, растравиваться... размножаться. И в этот момент по её обнаженному животу поползли капельки пота. А вместе с ними – запах мускуса, ударивший в нос Макееву. Он тут же абсолютно явственно представил себе, как бы сморщился носик Агнессы при таком обонятельном ударе по нему. Представил... и ему это понравилось! И всё исчезло в этот момент: и его приятель, и этот вечерний ресторан, и столик, и Агнесса, и даже эта девушка... всё, кроме потрясающе-волнующего запаха её потного тела. Домой он ушёл совершенно потрясённый.

И с этого вечера вся его жизнь переменилась. Не было больше для него другого удовольствия, чем поездка в переполненном трамвае в жаркий день, или запах «качалки» в спортивном зале, или аромат спортивных состязаний. Он стал страстным коллекционером: вбирал в себя запахи, как

губка впитывает воду, причем поначалу предпочитал очень сильные: грязные носки, бомж на лавочке, испражнения, канализация... Потом, как всякий коллекционер, постепенно определился с приоритетами и понемногу начал склоняться к гурманству.

Приоритеты он расставил так. Лучше женщина, чем мужчина, лучше молодая женщина, чем женщина в годах, и лучше всё-таки женщина, чем девушка. Акцентация на пол. При этом он осознал (совершенно неожиданно!), что запах косметики или духов, силясь подавить или замаскировать природный аромат, мешает восприятию, а запах чистого женского тела напоминает своей стерильностью жену. Если свести до короткой формулы, то можно сказать так: ему нравился запах грязных женщин. Грязных (потных) молодых женщин, не пользующихся косметикой. Явление, надо признать, в наше время не очень распространённое, но Макеев как коллекционер уже сформировавшийся, знал где искать: спортивные состязания, танцы (реже), горячие производства, сенокос в деревне... Его жизнь наполнилась смыслом.

Однажды он попытался уловить запах своей жены. Ничего не вышло: она (тоже молодая женщина) могла пахнуть косметикой, духами, месячными. Но не женщиной!

«Я её совсем не знаю», – подумал Макеев.

Он просыпался среди ночи, чтобы обнюхать её. Поймал нечто новое: легкий запах испражнений и одноразовых прокладок, запах желудочного сока и плохо вычищенных зубов.

Легкое отклонение от стерильности, к которой она стремилась. Не более того. Это его так разочаровало, что она перестала казаться ему хоть сколько-нибудь привлекательной, хотя незадолго до этого он, вне всякого сомнения, считал ее красавицей.

Он ушел от неё.

Он поменял свою жизнь настолько круто, как никто от него не ожидал, и он сам – в первую очередь.

Он живет на Таити и часами сидит в окружении полуголых тел, вдыхая их аромат.

Он вспомнил, что его зовут Толик.

Местные жители, непосредственные, словно дети, называют его «Тоик», и всякий раз смеются, говоря ему: «Тоик, Тоик!».

А он смеётся в ответ.

Небо Аустерлица

Когда хлётко ударило что-то в живот, поначалу я не почувствовал боли и пытался продолжать бежать вперёд. Я даже перехватил руку врага, скользкую от крови, и он выпустил нож. И только тут допустил ошибку: я вытащил этот нож из своего живота, чтобы им убить. Ошибка эта была столь очевидна, что хоть обратно его вставляй... Но было уже поздно: вместе с ножом, извлечённым наружу, пришла безмерная, выкручивающая суставы, боль, заставившая меня забыть и об оружии, и о моем враге. Осталось только одно: прижать обе руки к ране, из которой хлестала кровь, и упасть на землю. И только тогда, когда вместе с кровью начала меня покидать жизненная сила, я понял: это всё. Я умираю.

Удивительно, но вместе с силами постепенно начала уходить и боль. Я как бы свыкся с нею, принял её, растворился в ней. Неожиданно стало тепло и покойно, словно утром в постели, когда очень не хочется вставать. Перед глазами начали возникать и меняться, словно в калейдоскопе, удивительно яркие картинки.

Вот я совсем маленький. Я влюблён в девочку, измазанную чем-то зеленым, которую зовут Полина. Это очень серьёзная любовь: я твёрдо уверен, что женюсь на ней, когда вырасту.

Дед, выстругавший во дворе для меня деревянную вин-

товку «трехлинейку»: я очень доволен, я твёрдо знаю, что с ней я непобедим, когда с ребятами играю «в войнушки».

Вот мы с Танькой, соседкой, подкидываем в воздух камушки, а когда они падают на землю, чертим между ними на земле прямую линию, и кричим: «Близнецы!». Так мог радоваться только древний математик, открывший, что между любыми двумя точками можно провести прямую. Мы не знаем этого, мы просто снова кидаем камушки и снова кричим «Близнецы!». Было ли у меня когда-нибудь потом хоть раз в жизни мгновенье столь полного взаимопонимания с другим человеком?

Я держу в своей ладони очень мягкую, тёплую и слегка влажную ладонь Анечки, когда мы играем в «Ручеёк». Мне кажется, что ради того, чтобы этом миг длился вечно, полжизни не жаль...

Неожиданно видения сменяются отчётливой мыслью: мне всегда казалось, что кто-то ведёт меня по жизни, направляет, обещает впереди что-то значимое и очень интересное. Я чувствовал себе избранным, непохожим на других, иногда даже бессмертным: богом или равным богу. Нет не главным Богом, а маленьким богом, которому ещё предстоит стать кем-то. Кажется, что скоро у меня представится случай проверить, а что там – дальше...

Меня охватывает волна радости, почти счастья: тело моё вдруг становится легким, почти невесомым. Без малейших

усилий я поднимаюсь над землёй и вишу в воздухе. Какая глупость бояться высоты! Летать куда естественнее, чем ходить. Наверное, мы учимся летать гораздо раньше, а потом забываем об этом. И я лечу! Лечу к облакам, сквозь которые пробиваются лучи солнца. Они так красивы, эти облака. Я погружаюсь в них, и это купание лучше даже, чем в тёплых морских волнах. А за ними нечто ещё более прекрасное: белый зовущий свет.

Теперь я знаю, почему мотыльки летят на свет: они думают, что там рай.

Вдруг я чувствую, что там, внизу, на земле, кто-то сдвигает с места моё тело. Я спускаюсь и чувствую отвращение, глядя на себя. Вот это вот нечто... плотское, грязное, окровавленное, небритое... Это и есть я? Какой-то бесформенный мешок плоти! Мне брезгливо к нему приближаться, однако то, что эту плоть кто-то трогает, поворачивает, мне тоже не нравится. Я хочу возмутиться, закричать, отпугнуть этих людей, но у меня ничего не выходит: я просто летаю над ними, как ворона над падалью, и они не обращают на меня ни малейшего внимания.

Между тем одного из двух людей я узнаю: это Машка, наша медсестра. У неё не очень красивое лицо (кто-то сломал ей в детстве нос), но зато очень выпуклая, упругая попка. Мне всегда хотелось погладить или ущипнуть её за эту вот попку, но я, естественно, никогда не решался этого сделать.

А вот сейчас – запросто! Я подлетаю и провожу пальцами по выпуклости: Машка не реагирует – то ли сильно занята, то ли совсем не чувствует моего прикосновения. Я делаю это настойчивее... и чувствую, как моя рука совершенно спокойно проходит сквозь её плоть. Вот незадача!

Это мне не нравится, и я решаю хоть на секундочку вернуться назад в своё тело, чтобы получилось это сделать.

...И в тот же момент боль – страшная, оглушающая боль – возвращается. Усилием воли я открываю глаза и тяну непослушную руку к её заду. Глажу.

А она... Она, вместо того чтобы треснуть меня по роже или ехидно засмеяться, как всегда это делает, неожиданно начинает реветь и растирать по грязному лицу слёзы, бормоча:

– Живой, родненький. Живой. Счас я, счас!

И начинает медленно, боком, заваливать меня на носилки. С другой стороны (я не вижу) кто-то ей помогает.

Мне больно, я хочу всё это прекратить. Я хочу снова летать в небе. Но тут мне приходит в голову одна мысль: «Если я выживу, Машка мне даст. Обязательно даст!».

И я решаю жить.

Думаете, дала? Как бы не так!

Вот и пойми этих баб...

Изнанка красивой женщины

Я стеснительный настолько, что к красивой девушке никогда не решаюсь подойти, поэтому красавицы и я живем в «параллельном мире». Только однажды мне удалось преодолеть этот барьер, да и то случайно.

Я стоял в коридоре поликлиники, перед кабинетом (нет, не психиатра!) гастроэнтеролога с видом, соответствующим тогдашнему состоянию моего здоровья, когда (вдруг!) с лестницы в коридор влетело создание столь красивой наружности, что у меня дыхание перехватило. Так и осталось бы оно в моей памяти «мимолетным виденьем», если бы не остановилось прямо передо мной с вопросом:

– Не подскажете седьмой кабинет? Терапевтический.

Где кабинет, я знал, потому как сам не далее чем вчера посещал его, но вымолвить что-либо в ответ не сумел, только молча показал ей рукой в нужном направлении: там, мол. Лучезарно улыбнувшись, создание исчезло.

А на следующее утро я встал около шести утра, чтоб не позже семи занять очередь для сдачи анализов. Советская власть в нашей стране давно канула в лету, а вот советские порядки оказались куда более живучи, по крайней мере в районных поликлиниках: анализы можно было сдавать только с 8 до 9 утра, но если прийти к 8 (как я сделал это вче-

ра), то ловить уже нечего: очередь такая, что к 9 не успеешь точно. Как известно, быть больным – это довольно тяжёлая работа...

В начале девятого, когда начался приём анализов, я, выждав час у дверей, был в очереди четвёртым и имел все шансы покончить сегодня с этим непростым делом. Рассеянно рассматривая пухнувшую с хвоста очередь, я вдруг увидел, как вошла ОНА, и вид у неё был точь-в-точь, как вчера у меня: удивление – злость – безнадежность – желание прийти завтра пораньше. Я загадал: если её взгляд упадёт на меня и в нем будет искорка узнавания, то обязательно поставлю её в очереди впереди себя.

Не посмотрела, не узнала.

С безнадежностью встала-таки в хвост очереди, без малейших шансов на успех: видимо, просто «наудачу». И тогда я решил: была не была, стану сегодня её удачей!

Подошёл к ней ближе, надеясь, что всё-таки она припомнит случайного знакомого, но нет: её глаза скользнули по мне абсолютно безразлично. Я протиснулся дальше по коридору, зашёл в туалет и нервно, в несколько затяжек, выкурил сигарету. Судя по времени, моя очередь уже подходила, надо было решаться. И я решился!

Аккуратно я дотронулся рукой до её плеча. Резко обернувшись и увидев незнакомое лицо, она буквально шарахнулась в сторону. Чертыхнувшись про себя, я довольно связно объяснил причину своего поведения:

– Не помните меня? Вчера вы у меня спрашивали про седьмой кабинет вон там (я махнул в сторону второго этажа, где вчера она подошла ко мне).

Её взгляд слегка смягчился, но удивление с лица не сползло. Я быстро заговорил:

– Вчера так же вот пришел к 8 и не попал на приём, а сегодня я в самом начале очереди. Вставляйте впереди меня, а то завтра утром снова будете тащиться сюда по этому морозу (на улице было около минус тридцати).

Как мне показалось, она вздохнула облегченно, сказала что-то типа: «А я чёрт знает что подумала...» и встала в очереди впереди меня.

И вовремя: ещё бы пару минут, и очередь бы прошла. То есть получилось, что я буквально впихнул её в процедурный кабинет, не успев больше обмолвиться ни единым словом, а как только она вышла (взгляд её, как мне показалось, был не столько благодарным, сколько испуганным – только что взятая из вены кровь редко способствует благодушности настроения), тут же в кабинет заскочил я. Как брали кровь у меня – не помню, не почувствовал ничего: я мечтал только о том, что вот сейчас я выйду и решусь спросить её имя и телефон, может быть, даже удастся получить её согласие на поход в кафе прямо сейчас...

Когда я вышел, её уже не было.

Прошло несколько месяцев. И вот как-то в центр авто-

сервиса, где я работаю, приехали телевизионщики сразу с двух каналов: гаишники (пардон, гибддшники) проводили очередную операцию «Свежий воздух», и журналистам нужны были наши комментарии о том, как регулируется содержание вредных выбросов в автомобильных выхлопах. Её я узнал сразу: всё такая же красивая, хотя на этот раз в джинсах и в свитере, а не в дубленке как тогда, зимой, она вновь (прямо дежавю!) направляется прямо ко мне... Секунду думал, что она меня узнала. Нет, какое там... Она просто хотела взять комментарий именно у меня.

* * *

Из телефонного разговора тележурналистки Ирины Соколовой с подругой:

– Слышь, Машка, какая история произошла...

– Какая?

– Ну это... Беру я, значит, комментарий на станции техобслуживания, а там механик или как его там, зырит на меня во все глаза: не иначе, как счас проглотит. Я, конечно, к нему: если зырит, значит разболтаю его на раз. Ну и вначале, как всегда, говорю: «Представьтесь, пожалуйста». Он представляется: «Сергей... и тут начинает реветь какой-то КамАЗ, и фамилию я не слышу. Я прошу повторить. Он снова «Сергей...», и вновь фамилию не слышно из-за того же КамАЗа. Ладно думаю, херня: звукооператор «вытащит». И начинаю

брать у него комментарий. А он отвечает и всё глаза на меня таращит. Влад, оператор, даже спросил потом: «Чё-кого, типа, попросил телефончик-то?». Я смеюсь: «Не, не попросил!».

– И чё?

– Чё-чё, так и уехали. А потом, когда монтаж стали делать, то звукооператор просто озверел: оба раза фамилию этого Сергея не разобрать – то ли Жиков, то ли Зыков, то ли вообще Сипов: мало ли какие фамилии бывают! Мы час бились и написали в титрах просто самый логичный вариант: Зыков.

– Ну так и чё?

– Да ты слушай! Выходит, значит, этот наш репортаж в вечернем выпуске, и всё чики-пуки. А на следующий день мне на работу звонок: можно, мол, Ирину Соколову?. Ну я, говорю, Ирина Соколова, чё надо типа, а на том конце трубки мужской голос говорит: типа, помните вы вчера у меня интервью брали по поводу выхлопных газов? «Да», – отвечаю я, и сразу вся на измене: точно, б..., фамилию перепутали, сейчас он начнет орать и жаловаться, а мне влетит за косяк, и спрашиваю обреченно: «А чё, что-то не так?». Он: «Да нет, всё так, всё прекрасно». И тут уже я выпадаю в осадок: «А чё надо-то тогда?». Он мнётся: «Ну это... хочу в кафе вас пригласить, Ирина». А я в такой эйфории оттого, что косяка-то никакого, оказывается, нету, и что ругаться и наказывать никто не собирается, что отвечаю: «В кафе? Да пожалуйста!», и даю ему свой телефон. Верить-нет, Машка, если бы не эта

история с его фамилией, послала бы. Точно послала бы, за нефиг делать. Веришь, Машаня?

– Верю.

* * *

Как я решился на такое: позвонить на телеканал? И сам не знаю: будто сам бог или дьявол в меня вселил уверенность в своих силах. И представьте: мне удалось! Удалось невозможное! Долго прямо поверить не мог, что это правда со мной случилось...

* * *

И вот красавица, богиня, спустившаяся с Олимпа, снизошла до общения со мной, простым смертным, и сидит, в плоти и крови, за столиком кафе напротив меня. Я не верю своему счастью, я вновь смущаюсь, не зная о чем с ней говорить. На всякий случай перебираю в уме «домашние заготовки»: Мураками, Пелевин, Тарантино, Аристотель, спелеология, египетские пирамиды... Я много о чём могу говорить, когда не стесняюсь...

Но... всё это совсем не пригодилось: оказалось, с богинями не говорят. Оказалось, их слушают.

К концу второго часа беседы, когда счёт за коктейли и мо-

роженое тянул тыщи на три, я уже мог по памяти назвать имена всех её несчастных любовей (счастливых не было), клипов, которые стоит закачать в сотовый, марок автомобилей, которые стоит покупать «приличным мужчинам», и сколько должно быть денег на счету в швейцарском банке у её гипотетического жениха.

Я сник. Я понял, что «не котируюсь». Что единственное, на что могу претендовать – это разочек искупаться в её сиянии за пару-тройку тысяч, вложенных в мороженое и коктейли. Наконец, отправив её домой (или не домой?) на такси, я поплелся к себе абсолютно обескураженный. Я был уверен на тысячу процентов: никакого продолжения не будет.

Я ошибался.

Она позвонила сама, и за следующую порцию мороженого и сладостей (на этот раз в кофейне) я был подробно ознакомлен с причиной её ненависти к другим «красивым бабам», с жизненной концепцией, что «любить нельзя ни в коем случае: надо, чтоб тебя любили», и со всеми новинками парфюмерной индустрии.

Вскоре – вольно или невольно – я стал её другом. Теперь все разговоры при встречах сводились к детальным подробностям её взаимоотношений с очередным представителем противоположного пола по следующей схеме: машина у него такая-то, денег столько-то и так-то он отреагировал, что я

ему не дала. «Давать» она не любила, она любила брать. Эти рассказы стали перемежаться с длинными разговорами по сотовому, которые она время от времени прерывала, закрыв трубку рукой, чтоб внести для меня кой-какие комментарии, и пулемётными sms-очередями, перемежаемыми вопросами типа: «Вот он мне написал, что хочет меня. Чё ему ответить, как ты думаешь?».

А через несколько месяцев она огорошила: «Ты мой лучший друг. Сегодня мы с тобой напьёмся» и заявила ко мне с тапочками, набором вечерней и утренней косметики и с пижамой. Смущённо я предупредил, что спальное место в моей комнате всего одно. Это её смутило, но не очень. К концу второй выпитой бутылки я окончательно осознал: богиня будет эту ночь спать рядом со мной!

Разгоряченный спиртным, я рассказывал анекдоты, а она так смеялась, что я опасался за душевное здоровье соседей. Всё моё мужское естество было в предвкушении: а вдруг?!!

– Не-не-не-не-не! Чё это ты вдруг, а? Я с друзьями не трахаюсь!

– А с кем ты...?

– С кем сама захочу. С тобой мы только тупо пьём!

Осталось только утром, проснувшись пораньше, любоваться её прекрасным спящим лицом.

Нет, богинь нам не понять. Со смертными они не спят.

Может, это и к лучшему?

* * *

Да, ещё я все подумываю, сказать ей или нет, чтоб она меня Зыковым больше не называла?

Я ведь не Зыков, я Быков.

Пятый тост

Эрнесто проснулся от маминых слов, которые она громко и отчётливо произносила отчиму, который ещё спал:

– ...и не вздумай ребенка отпускать в школу. Объявили, что занятий не будет.

Первая мысль Эрнесто была обидной: ему уже пятнадцатый год идёт, а всё «ребенок». Вторая – приятной: «Ура! Не надо бояться контрольной по физике. И вставать тоже не надо!». Зато третья была такой пронзительной, что сон куда-то сразу улетучился: «Я же обещал!».

...Идти на улицу не хотелось жутко. Он ещё раз подошел к окну и взглянул на термометр, словно в надежде, что что-то на нём изменилось. Нет, всё так же: красная чёрточка показывала минус 42 и ещё чуть-чуть – рождественские морозы. Ужас просто какой-то. И кому в голову пришло придумать такую морозяку?

Он пошёл натягивать самые толстые подштанники, которые очень не любил, и надо же – как всегда! – именно в этот момент зашел отчим и взглянул на него красным глазом.

– Ты куда это собрался?

«Помнит. Хоть и спал, но помнит, что мама утром ему говорила, – тут же пронеслось в голове Эрнесто. – Если ему соврать, что в школу, упрется рогом: знает уже, что занятий

нет».

И он ляпнул первое, что пришло в голову, главное не задумываться, а то сразу поймает на лжи:

– Да я в магазин, который в нашем доме: туда и обратно.

– Это ещё зачем? – взгляд отчима не утратил подозрительности.

Лихорадочно соображая, зачем ему в магазин, он выпалил:

– Мама попросила купить творог. Мне надо есть молочное!

И тут же сообразил, что сморозил глупость: творог в холодильнике наверняка есть, стоит ему открыть и проверить...

Но Эрнесто повезло – мысль отчима потекла в другом направлении:

– Пива мне возьми!

«Опять вчера приперся пьяный, – догадался Эрнесто, который заснул, когда отчим ещё не возвращался домой. – И наверняка мама опять не выспалась из-за него».

Его охватила привычная волна ненависти к этому человеку, но он сдержался и сказал мирно:

– Хорошо...

– ...папа, – закончил тот ехидно.

– Хорошо, папа, – смирился Эрнесто, успев незаметно скрестить пальцы на левой руке – всем известно, что так не считается за ложь. Какой он ему папа?!!

Но как он ни старался, вышло ненатурально: отчим по-

чувствовал волну неприязни. И, чтобы отомстить, оглядел его, прикидывая к чему бы придраться.

И нашёл ведь, подлец! Как всегда ударил по самому болезненному:

– Мальчик боится обморозиться, пройдя пять метров до магазина, – сказал он противным гнусавым голосом, изображая из себя Петросяна.

Эрнесто вспыхнул и демонстративно откинул в сторону теплые подштанники, натянул джинсы прямо на голые ноги. Это был действительно удар по его самолюбию: отчим знал, что Эрнесто родился на Кубе, где в то время работали его мама с папой. Да, и назвали его в честь Эрнесто Гевара де ла Серна, которого весь мир знает как Че Гевару. Он гордился про себя и тем, что жил на Кубе (хотя этого совершенно не помнил – он был в то время грудным ребенком), и тем, что назван в честь Че. Но вот как раз за то и за другое ему вечно доставалось. Отчим говорил: «Мерзлячка ты у нас» (так и говорил «мерзлячка», будто он девочка), ну а в школе, конечно же, доставалось за имя...

...Пожалел о том, что не сдержался, он почти сразу: было не просто холодно, казалось, воздух превратился в какую-то агрессивную среду типа кислоты и сейчас изо всех сил старался преобразить всё живое в ледяную субстанцию. Живое сопротивлялось как умело: редкие прохожие кутали лица в шарфы и передвигались почти бегом. Эрнесто тоже двигал-

ся короткими перебежками – от магазина к киоску, потом к стоматологической клинике, потом к булочной... ноги его будто в ледышки превратились: ему казалось, что они звенят, когда задевают друг за друга... Но труднее всего было дышать этим жутким воздухом: нос сразу замерзал и его приходилось оттирать перчаткой, а ртом он дышать боялся: слышал как-то по телевизору, что при сильном морозе зубы могут крошиться, поэтому дышал хоть и ртом, но сквозь сжатые губы. Впрочем, скоро ему было уже плевать абсолютно на всё, лишь бы добраться в тепло. Он даже грешным делом подумал о том, что его любимый Че тоже наверное мог бы испугаться: он ведь был южный человек и не боялся пухля, а не холода... Но тут же устыдился этой мысли и сконцентрировался на Ирине Георгиевне, из-за которой, он, собственно, и совершал сегодняшний подвиг. И – вот чудо! – стоило ему только подумать о ней, как сразу холод куда-то отступил. Можно даже сказать «в пот бросило», но на морозной улице это было бы уже слишком, так что скажем так: «ему стало наплевать на холод».

...С Ириной Георгиевной Эрнесто познакомился сравнительно недавно – в начале сентября, но сейчас, перед Рождеством, он уже представить себе не мог, как это он раньше жил без неё...

А произошло это так: Петрушка (так школьники называли физика Петра Борисовича) зачем-то в начале учебного года дал контрольную, а Эрнесто в то время было совсем не

до физики: прямо перед уроком Валька Никифоров, его одноклассник, расшалившись, ударил его учебником по голове. Да ударил не просто так, а уголком прямо в затылок: так что Эрнесто просто-таки взвыл от боли и, не разбираясь, кто обидчик, вслепую двинул кулаком в ту сторону. И как всегда это бывает по закону подлости, попал прямо в нос обидчика и раскровил его. Тут всё сразу было ясно: после уроков во дворе придется драться.

К своему тайному стыду Эрнесто, несмотря на свое героическое имя, драться не любил и не умел. А уж тем более с Валькой. И причин тому было несколько.

Во-первых, врагами они с Валькой не были. Друзьями, правда, тоже – скорее приятелями. В тот момент, когда его ударили учебником, у Эрнесто была вспышка гнева: яростная и очень кратковременная, и теперь он о ней жалел...

Во-вторых, Валька, в отличие от Эрнесто, драться не только умел, но и даже можно сказать любил, чем и прославился. Этой славе он был обязан своей храбрости, почти безрассудной. Маленький, худой, почти болезненный, первое впечатление он всегда производил примерное такое: «соплёй перешибешь». Никакими особыми успехами на физкультуре он тоже не блистал, но зато он был храбр, по-настоящему храбр: придя в класс (в пятом он был «новичком»), он в первый же день после занятий подрался не с кем-нибудь, а самим Серёгой Тыняновым – признанным лидером класса, известным драчуном и спортсменом, который был сильнее Вальки ми-

нимум раза в три. Эту драку надо было видеть! Щуплый новичок с первого же удара разбил Тынянову нос и продолжал как ни в чем не бывало лупить кулаками. Закончилось всё, правда, совсем не в его пользу: Тынянов не зря был лидером в классе – он дрался, бывало, с противниками и сильнее себя. Тынянов хладнокровно игнорировал свой разбитый нос и очень быстро уложил Вальку точным ударом. Тем всё и закончилось... казалось бы.

Но Валька оказался не тем человеком, чтобы вот так, с первого раза, сдать: они стали с Тыняновым драться раз за разом – до тех пор, пока учителя не узнали. И только после вызова к директору они договорились о формальном перемирии. Серёга как бы остался лидером, но щуплый Валька твёрдо занял почётное второе место, хотя были, конечно же, ребята и посильнее его.

Тут возникает закономерный вопрос: а на каком «месте» был Эрнесто? Как мы уже выяснили, драться Эрнесто не любил, однако при этом больше всего он боялся попасть в группу «отверженных», всеми презираемую группу тех, кто драться боялся, а потому был вынужден пресмыкаться перед другими. Обычно Эрнесто всеми доступными способами от драк увиливал, сохраняя со всеми хорошие отношения, но уж если доходило до драки, подходил к ней, как к решению математической задачи. А математику он (в отличие от физики) знал и любил. Тут-то мы и переходим к «в-третьих».

Итак, в-третьих, несмотря на всю драчливость и храб-

рость Вальки, Эрнесто твёрдо знал, что победит его! Был прецедент: как раз в то время, когда Валька никак не мог победить Серёгу, он, в борьбе за лидерство, задирали всех кого ни попадя, выясняя кто на что способен. И тем самым невольно пополнил ряды «отверженных» парочкой новых кандидатур, которые испугались драться. В ту же самую категорию едва не попал и Эрнесто. Получив из-за какого-то пустяка «официальный вызов», он страшно испугался: как и остальные, он видел бесстрашие Вальки и струхнул.

Ситуация сложилась пиковая: уклониться от вызова значило автоматически пополнить ряды бесправных, согласиться же означало форменную бойню – Эрнесто никогда не умел махать кулаками, да и вообще боялся ударов по лицу. То есть боялся не только того, что его ударят по лицу, но и того, что он сам сейчас кого-то ударит по лицу. Выручило знаменитое имя: нельзя человеку с таким именем прослыть трусом. И Эрнесто решился. А уже решившись, он просто отбросил свой страх и попытался адекватно оценить силы – свои и противника. По всему выходило, что в кулачном бою он Вальке проиграет: удары того хоть и не были сокрушающе-сильными, зато отличались великолепной точностью. И тогда Эрнесто сделал ставку на... вольную борьбу. Вообще в драках не было каких-то особенных правил, кроме самых простых: драться один на один, не нападать со спины, не использовать посторонних предметов... Прямого запрета на «борьбу» не было, просто до неё обычно не доходило – все

проблемы выяснялись в кулачном бою. А Эрнесто решился в прямом смысле «перебороть» эту традицию. И... выиграл!

Получив от Вальки прямой удар в лицо, потом другой, он, вместо того, чтобы ответить или зареветь (это означало конец боя поражением), сделал нечто неожиданное: приблизившись к противнику вплотную, он зажал его шею согнутой рукой и повалил наземь. Шея Вальки оказалась в «капкане»: не повернёшься. «Нечестно!» – закричал кто-то из зрителей, но остальные его не поддержали: всем хотелось увидеть, чем же кончится поединок. А чем он мог кончиться? Голова Вальки, зажата на сгибе руки Эрнесто, начала наливаться кровью, и вскоре он невольно захрипел. «Прости пощады», – кричали ему. Но Валька, конечно же, был не из тех, кто будет просить пощады: скорее уж он бы предпочел задохнуться. И тогда Эрнесто... вдруг ослабил хватку. Поднялся, вытер кровь с лица и стал молча дожидаться, когда поднимется противник. Тот поднялся, пошатываясь, весь в грязи: мрачный и страшный. Все ждали, что сейчас будет продолжение... Но, к всеобщему удивлению, продолжения не случилось ни в тот день, ни на следующий, ни даже через неделю, а отношения между Эрнесто и Валькой оставались такими, как будто и не было между ними никакой драки.

В чём тут секрет, знали только они двое. А дело было так: на следующий день после драки Валька подошел к Эрнесто и сказал коротко: «Пойдем!». Эрнесто был уверен, что речь снова идёт о драке, и поплёлся за ним обречённо... Но ока-

залось совсем другое: Валька привёл его к себе домой.

Оказалось, что живёт он в частном доме с мезонином (вторым этажом), который безраздельно принадлежит только лишь ему одному. Забравшись в этот самый мезонин, Валька, ни слова ни говоря, протянул Эрнесто боксёрские перчатки, после чего тот минут пятнадцать работал «грушей», почти не умея отразить ни одного удара. После этого, всё так же молча, он снял перчатки, указал Эрнесто сделать то же самое и только тогда сказал: «Никаких ударов, только борьба». И вот тут оказалось, что Эрнесто он никакой не конкурент: почти без всяких усилий Эрнесто раз за разом брал его в свой знаменитый захват, и тот ничего не мог с этим поделать. После этого самое время было бы сейчас сказать, что «это был прекрасный повод для начала настоящей дружбы», но это не так – Валька словно бы просто убедился в истинности своих предположений и сказал: «Всё ясно, драться нам больше незачем».

На этом все и закончилось...

...До того самого сентябрьского дня, когда с Эрнесто случилась эта вспышка гнева.

И уж конечно было ему в тот день не до контрольной по физике: он сидел и раздумывал о предстоящем поединке...

Пока его размышления не прервал Петрушка словами:

– Кажется, кто-то у нас уже все написал!

И тут у Эрнесто вновь разыграл гнев, который уже не раз

его подводил: вместо того чтобы продолжить выполнение контрольной, он буквально швырнул незаконченную работу на стол Петрушке и выскочил из класса.

А потом вышел и из школы. Пошел куда глаза глядят...

Оказалось, что глаза глядели на библиотеку, что располагалась от школы совсем неподалеку. Там-то он и познакомился с Ириной Георгиевной.

...Эрнесто всегда знал о существовании этой библиотеки, но её порога до того сентябрьского дня никогда не переступал, потому что библиотека эта была «для взрослых». Он и в тот день прошел бы мимо, но нужно было где-то скоротать время до конца уроков, а потом вернуться в школу: не хватало еще, чтобы его сочли трусом, сбежавшим от драки.

Зашёл и тут же пожалел об этом: наверняка, чтобы записаться сюда, нужен паспорт, а ему до 14 лет, когда он пойдёт, наконец, получать этот документ, ждать ещё целых две недели! Но раз уже зашёл, отступить было поздно.

За столом в большом зале, полном книжных полок, сидела девушка, как и положено, уставившись в раскрытую книгу. Решив сразу расставить все точки над «i», пока не успел испугаться, он сразу выпалил с вызовом, даже не взглянув на сидящую:

– Я здесь не записан, и документов с собой у меня нет!

И только после этого решился взглянуть в лицо сидящей. Взглянул и замер, будто околдованный: он смотрел не в гла-

за, нет – в два огромных бездонных озера цвета такой пронзительной синевы, какой ему раньше никогда не доводилось видеть. Заворожённый, вдруг обмякший, он не сразу понял, что она ему ответила. И только спустя какое-то время – очень долгое, как ему показалось, он услышал шум прибоя её голоса:

– Вы мне кажетесь очень приличным молодым человеком, хотя немного и невоспитанным – вы не поздоровались.

Она сделала небольшую паузу, но, так и не дождавшись «Здравствуйте», продолжила как ни в чём не бывало:

– А коли я в вас не ошибаюсь, то могу дать вам одну книгу просто под честное слово, что вы её вернете. Так вас устроит?

Тут Эрнесто обрел дар речи, но так как хотел сказать «Здравствуйте» и «Да, устроит» одновременно, то получилось что-то вроде: «Здраустроит».

Девушка от таких слов вдруг звонко-звонко рассмеялась и спросила у него:

– Вы сами хотите что-нибудь выбрать или вам предложить книгу?

Эрнесто снова смешался и хотя на этот раз смеха у нее не вызвал, зато заслужил улыбку. Потом, видимо сочтя его молчание за согласие на её выбор, девушка быстро-быстро упорхнула куда-то между книжных стеллаже, и вернулась с потрепанным томиком. Протянула ему со словами:

– Такая вас устроит?

Он взглянул и не смог скрыть своего разочарования. Владислав Крапивин «Сказки Севки Глущенко» – было написано на обложке.

Стоило ли идти во «взрослую» библиотеку для того, чтобы взять одну из тех книжек, что стоит на полках детской?!.

От девушки не ускользнуло его разочарование.

– Не любите Крапивина? – поинтересовалась она.

И прозвучало это как-то настолько по-девчоночьи ехидно, что он понял: она думает, что он в глаза не видел книг этого автора, и его смутило слово «Сказки». А волна гнева, всегда предательская, на этот раз помогла обрести ему полноценный дар речи.

– Крапивина я не могу любить или не любить, потому что не знаком с ним, а вот книги его я не люблю...

– Можно поинтересоваться почему? – вставила она, но могла бы уже не стараться – Эрнесто понесло. Позже он жалел об этом своём монологе, потому что многие книги Крапивина любил и перечитывал по нескольку раз.

Но в тот момент собственная речь казалась ему просто неотразимой.

– Герои Крапивина слишком правильные. Они так же искусственны, как и мир, в котором живут. Но самое ужасное в том, что и они сами, и этот мир, обладают некоторыми чертами реальности, которые Владислав Петрович пишет так ярко, что в них поневоле начинаешь верить. И тогда реальные дети и реальный мир кажутся более блёклыми, более несо-

вершенными...

Сказал – и замолчал, ожидая, что же последует за этой его тирадой. Девушка-библиотекарша повела себя необычно: как-то необыкновенно прищутив свои огромные глаза, она поинтересовалась:

– И какие же книги ты считаешь более реалистичными?

Эрнесто смешался на секунду, но тут же нашёлся:

– Не знаю как насчет «книг», но одну такую книгу я знаю точно. «Над пропастью во ржи».

Имя автора (американца что ли?) у него начисто вылетело из головы, и он, с жутким предчувствием того, что сейчас опростоволосится, замолк.

Но девушка вовсе не собиралась его экзаменовать.

– О! – сказала она только.

И немного помолчав, добавила:

– Коли ты читаешь Сэлинджера, то пожалуй тебе стоит предложить что-нибудь серьезное.

И вновь упорхнула к своим стеллажам.

Он с облегчением вздохнул и с нетерпением стал ожидать, что же она ему принесет. И вновь его ждало разочарование: она принесла потрепанный томик, на обложке которого не было даже названия книги. Только автор: Оноре де Бальзак.

– Читал? – спросила.

Он честно покачал головой – не читал.

– Бери, – разрешила она царственным жестом. – За сколько прочтешь?

– За ночь! – ответил он.

«Ой ли...», – привиделось ему в её глазах, но на словах она сказала совсем другое:

– За ночь не нужно, глаза испортишь. Пусть будет через три дня, не раньше. Но и не позже! Хорошо?

– Слово! – ответил он серьезно.

...Выскочив из библиотеки, он побежал домой. Все его чувства были переболтаны в каком-то немыслимом коктейле: то он вспоминал, что не только сам забыл представиться, но и не спросил, как зовут эту девушку (почему-то ему не нравилось слово «библиотекарша», и он твердо решил никогда её так не называть), то вдруг некстати вспомнилась контрольная, которую придется переписывать... Контрольная! Он же сбежал из школы и не вернулся, а значит теперь все подумают, что он струсил!

Резко развернувшись, он во весь дух припустил в обратную сторону, сжимая в руке томик Бальзака, которого почему-то не стал класть в школьную сумку.

– Куда-то торопишься? – остановил его знакомый голос.

Откуда-то сбоку шёл Валька в компании одноклассников. У Эрнесто ноги почему-то сразу перестали бежать, а сердце заколотилось быстро-быстро. Он хотел что-то ответить, но горло стало сухим, и ответить не получилось.

И тут Валька вновь соригинальничал: отделившись от приятелей, он пошёл было в его сторону, но неожиданно

остановился, махнул рукой (типа «ну его») и вернулся к ним назад.

Эрнесто был потрясен. В другое время он даже возможно счёл бы поступок Вальки оскорбительным. В другое время... но не в этот день. Тогда же он осознал только главное: драки не будет не по его вине, и побежал с книгой домой.

И вот с тех пор прошло несколько месяцев, в течение которых Эрнесто каждые два-три дня брал новую книгу «под честное слово». Девушка, которую, как оказалось, зовут Ирина Георгиевна, ввела его за руку в совершенно особенный мир Ги де Мопассана и Гюго, Булгакова и Фаулза, Пикуля и Ремарка, Андахазы и Переса-Реверте, Ван Гулика и Мураками... И каждый раз, давая ему новую книгу, она спрашивала: «Когда сможешь её вернуть?», а он обычно отвечал: «Послезавтра», или к примеру: «В понедельник». Она шуточно спрашивала: «Слово?», а он очень серьёзно отвечал: «Слово!». И ни разу ещё не нарушил им же самим установленного срока.

За этой, скрупулезно им соблюдаемой, добросовестностью скрывалась, конечно же веская причина: ему не всегда были понятны предложенные ему книги, и не всегда он их умел осилить до конца, но зато всегда, абсолютно всегда ему хотелось возвращаться и вновь тонуть в этих бездонных голубых озёрах её глаз, которые еженощно врывались в его сны, особенно под утро. К тому морозному предрождествен-

скому дню, когда он обманул отчима, Эрнесто уже просто не мог представить своей жизни без Ирины Георгиевны.

* * *

...Идти было не так уж и далеко – две автобусные остановки – но в такой мороз привычная дорога стала для него сущим мучением. Он даже решил было дождаться автобуса, но, глядя на заиндевелую толпу ожидающих, предпочёл всё же идти пешком.

А когда добрался, звеня застывшими ногами и предвкушая, что его подвиг будет оценён, он уперся лбом в закрытую дверь. Подёргал – та не открывалась. В отчаянии начал стучать. Наконец открыл какой-то пожилой дядька – сторож, судя по всему – и сказал ему строго:

– Чего стучишь-то? Не работаем сегодня.

– П-почему? – выдавил он из себя побелевшими от холода губами.

– Как почему? – удивился тот. – Мороз вона какой, трубы тута полетели!

Ещё немного поворчав, сторож ушел, а Эрнесто так и остался стоять на морозе: огорчённый, почти плачущий.

Казалось бы: ну что тут такого? Можно прийти и в другой день. Но осознание бессмысленности своего подвига и обмана отчима, напрасности усилий, которые им были затрачены

на этот поход, никак не отпускали. Ко всему прочему – еще и замёрз страшно.

Домой возвращаться решительно не хотелось – и он пошел в школу, в надежде, что она открыта, несмотря на предупреждение об отмене занятий.

...Школа и впрямь оказалась открытой, хотя и почти пустой.

Гардеробщица тетя Наташа, всегда строгая, сегодня его встретила почему-то очень тепло:

– Еще один герой явился, – сказала она, и отправила его в столовую – пить горячий чай.

Оказалось, что ещё около десятка мальчишек и девчонок из разных классов пришли-таки на занятия. Уроки отменили, но пришедших не выгоняли домой: сначала поили чаем, так же, как Эрнесто, а потом отправляли в мастерские, где девчонки вырезали из бумаги к празднику снежинки, а парни мастерили что-то под руководством любимого всеми трудовика Ван Ваныча. В мастерских было тепло и уютно почти по-домашнему, все весело делились впечатлениями о том, как добирались сегодня до школы, и у Эрнесто немного отлегло от сердца, но мастерить ничего не хотелось, и он заглянул в спортзал.

Там он увидел одинокую фигурку, которая раз за разом кидала в баскетбольную корзину мяч. Узнал Вальку и в некоторой нерешительности замер.

– Чего стоишь-то? – раздался его голос. – Давай заходи, раз пришел.

Больше ни о чем не разговаривая, они начали по очереди кидать мяч: сначала просто так, а потом «на очки». Валька, как всегда очень точный, ни разу не проиграл.

Потом он неожиданно и словно не в тему спросил в лоб:

– Случилось что-то у тебя?

У Эрнесто был позыв рассказать ему всё как есть, но он сразу же понял: не сумеет он всё рассказать так, чтобы понятно было. Врать тоже не хотелось, поэтому он ответил коротко:

– Обещал сегодня книгу вернуть человеку, а не получилось.

Валька помолчал, размышляя, а потом уточнил:

– Девчонке обещал?

Эрнесто кивнул.

Валька вновь задумался, а затем выдал:

– Так занеси ей домой. Удивится, конечно, но так даже лучше будет.

На секунду в глазах Эрнесто вспыхнул отчаянный огонек надежды, но тут же потух.

Он покачал головой:

– Не знаю я, где она живет...

И тут же неожиданно вспомнил, что случайно это знает! Однажды она при нем объясняла кому-то по телефону: «Ма-

яковского, 54, квартира 82. Пятый этаж». Теперь это всплыло откуда-то из глубин памяти.

И он засиял.

* * *

По-хорошему стоило бы сначала зайти домой и переодеться во что-то более теплое – до улицы Маяковского добираться было много дальше, чем до дому, да и отчим уже наверняка рвал и метал, потеряв его... Но, здраво взвесив все обстоятельства, Эрнесто рассудил: если зайдёт домой, то вряд ли оттуда вновь сумеет вырваться без скандала. А ещё он поболся, что не решится на это предприятие, если начнёт долго о нем раздумывать. Поэтому он поступил просто: оделся и вынырнул вновь на мороз с твёрдым намерением не отступать от задуманного.

...У подъезда девятиэтажки он от холода едва богу душу не отдал, но всё никак не мог заставить себя позвонить по домофону в нужную квартиру. Выручила какая-то тетка, вышедшая из подъезда.

Понемногу оттаивая, Эрнесто медленно, ступенька за ступенькой, поднялся на пятый этаж и застыл перед дверью, вновь не в силах заставить себя позвонить. Стоял довольно долго, пока откуда-то снизу не донеслись шаги: кто-то поднимался. И тогда он набрался храбрости, и нажал кнопку

звонка.

...Дверь в другой мир открывается всегда неожиданно: за ней оказалась вовсе не Ирина Георгиевна, а какой-то парень с длинными волосами. Смешавшись и сообразив уже, что скорее всего неправильно запомнил адрес, Эрнесто попытался, но парень не выказал никакого удивления и сказал: «Проходи и закрывай дверь», а затем куда-то исчез.

Вешалка в прихожей была плотно завешана куртками, на полу уже имелась целая куча обуви, а из глубины квартиры слышна была негромкая мелодичная музыка и голоса людей.

Нерешительно стянув куртку, он пристраивал ее на вешалку, когда из комнаты выпорхнуло какое-то новое создание: нечто воздушное, порхающее и с сигаретой в руке.

– О, какой замерзший чувак, – произнесло оно и исчезло, чтобы буквально секунду спустя вернуться вновь с кружкой.

Жидкость, которую Эрнесто непроизвольно хлебнул, оказалась винно-горячей, и у него немедленно закружилась голова. Уже почти забыв, зачем сюда пришёл, он шагнул в комнату и увидел там много людей, сидевших прямо на полу, который был застелен ковровым покрытием. У большинства в руках были кружки с такой же жидкостью, как и у него, некоторые курили сигареты. Чувствуя себя неловко стоящим там, где все остальные сидят, он тоже опустился на пол и тут же почувствовал себя лучше: он как бы стал частью всего здесь происходящего на равных с остальными. И в этот мо-

мент он увидел её: она сидела к нему вполоборота, так и не заметив незваного гостя.

...Все о чём-то негромко разговаривали, но как раз в это время замолкли, глядя на Ирину Георгиевну. А та сидела задумчивая посреди комнаты и вертела в руках кружку.

Потом начала говорить:

– Мне достался тост пятый по счету. И я хочу выпить за вас, дорогие друзья.

Кое-кто уже отхлебнул, но она продолжала:

– Иногда я задаюсь вопросом, почему я так люблю гостей. Почему у меня всегда есть в холодильнике водка, которую я никогда не пью, и сало, которое я никогда не ем? Почему есть сигареты, которые я не курю, почему у меня не одна зубная щетка, а несколько? Вы – воздух в моем шаре, вино в моей бутылке, табак в моей сигарете... Знаете, мне кажется, что без вас я пустая внутри, как матрёшка. Оболочка без содержания. Поэтому я и хочу выпить за вас!

И тут Эрнесто словно со стороны услышал собственный голос:

– Неправда, вы совсем не пустая. Просто вы не знаете об этом, вот и заполняете себя чем попало сверх всякой меры.

Все обернулись к нему с удивлением, а он не видел ничего, кроме её огромных глаз. Поднявшись, он сделал то, о чем мечтал уже давно – приблизился к ним вплотную, он сказал:

– Я люблю вас.

И эти бездонные глаза вдруг часто-часто заморгали и вдруг наполнились слезами, а со всех сторон – и это было для Эрнесто полнейшей неожиданностью – раздались аплодисменты.

* * *

Наша семейная легенда гласит: папа не позволил маме отказать ему. Не помешали ни разница в возрасте, ни прочие бесчисленные аргументы. Рождество они встречали вдвоём, а как только папе исполнилось восемнадцать, они поженились.

А теперь, по традиции нашей семьи, пятый тост всегда поднимает мама. И всегда пьёт за папу и за нас с Ленкой тоже. Скоро, я думаю, ещё внуков начнёт поминать...

Жвачный человечек

Препо́д был забавный: маленький, сутулый, в обтрёпанном пиджачке, вечно обсыпанном перхотью. Свой предмет – высшую математику – он читал вяло и занудно. Казалось, его совсем не интересу́ет внимание студентов, однако в аудитории стояла тишина, только ручки поскрипывали, да время от времени жалобные вздохи раздавались. Знающие старшекурсники объяснили уже, что ежегодно два-три студента из-за этого вот безобидного на вид дядечки вылетают из института...

Саша изо всех сил старалась вникнуть в суть объясняемого материала, трясла недовольно своей рыжей гривой, но интегралы у неё в тетради упорно превращались в пляшущих человечков, корчащих страшные рожицы. Она закрашивала рожицы чернилами, но они появлялись вновь неведомо откуда. Наконец она зевнула, пообещала себе, что перексерит эту лекцию у Машки и, подперев рукой щеку, занялась любимым занятием – разглядыванием однокурсников.

А посмотреть, кстати говоря, было на что: только на первый взгляд казалось, что все записывают лекцию. На самом деле Женька с Юркой режутся в «Феодала», Маринка отправляет кому-то эсэмэску, а Лёшка... хм, Лёшка опять что-то выцарапывает рукой с внутренней стороны парты. Саша не первый раз уже замечала за ним эту странную особен-

ность! Приглядевшись, она слегка сморщила носик: «Фу, как негигиенично!». Лёшка старательно расколупывал пальцами левой руки залежи жевательной резинки (правой он старательно писал лекцию) и скатывал из них шарик. По мере разработки месторождения шарик становился всё больше и больше, потом переместился на другой конец парты, на нём появились глазки-точечки, нос-черточка, и большой улыбающийся рот. Жвачный человечек.

Удивившись, Саша начала наблюдать за Лёшкой и на других парах. Тот всё время садился в разные места, но после его ухода можно было совершенно точно определить, где он сидел: на уголке его парты всегда обитал человечек.

...Вообще Лешка ей не то чтобы не нравился, просто... не мужик. Она так всегда делила мужчин: «мужик» или «не мужик». Определить просто: мужик сказал – мужик сделал. Может и не умён особо, да надёжен. Не обязательно «тупой, упорный», как смеялись над всеми, кто поступал в Горный, но обязательно сильный, с характером. Ну вот Яшка, например, – яркий представитель: такой, если надо, и в тайге не пропадёт, и водку стаканами пить будет, и грязной работы не побоится... А Лёшка... ну мальчик ещё: светленький такой, с кудряшками, глазки голубенькие, мечтательные. И сложеньце у него хиленькое – ну разве мужик?!!

Саша вздохнула, «не мужик» Лёшка где-то в глубине души ей все-таки был симпатичен: и умный, и ухоженный, и

с девчонками вежлив всегда... Блин! Чересчур вежлив! В этом всё дело!

* * *

Восемь километров по лесной дороге до карьера – разве ж это расстояние для будущих геологов? Никто не стонал, девчонки даже развеселились, а самые бойкие из них стали петь популярные песенки, остальные подхватили: «Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша...».

Парни не пели – шли немного в сторонке, некоторые ухмылялись. Яшка, который, кстати, в летнюю сессию именно у математика получил «хвост» на осень, был мрачноват – шёл поодаль от других. Саша, воспользовавшись его задумчивостью, подхватила еловую шишку и запустила в его сторону. Промазала, но он заметил. Заулыбался, подмигнул. Потом подобрал и сделал вид, что бросает назад. Саша взвизгнула, кинулась прочь... Яшка за ней. Как-то незаметно они оказались в стороне от дороги, среди деревьев.

Им что-то кричали вслед, но они бежали, бежали...

* * *

...Поцелуи у него оказались вовсе не такими приятными, как она себе представляла. Слишком жадные. Слишком слю-

нявые. А руки его, вместо того чтобы обнимать, начали быстро-быстро расстегивать пуговицы на её джинсах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.